

Россия и Азия

№ 2 (7), 2019

russia-asia.org

В номере:
интервью с Послом Сирии

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 2 (7), 2019 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-74920 (СМИ — «сетевое издание»).

Журнал включен в крупнейшие международные базы данных, системы цитирования и библиографические системы, охватывающие мировой поток продолжающихся и периодических научных изданий: РИНЦ, GoogleScholar.

Периодичность: 4 раза в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>
E-mail редакции: red@russia-asia.org

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета Российского университета дружбы народов, директор Центра Азиатских исследований РУДН, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Андреева Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Русакович Василий Игоревич — кандидат экономических наук, генеральный директор ООО Тейда Транс», г. Москва, Россия.

Сабон Виктория Лелу — PhD (экономика), заведующая кафедрой зеленой экономики, директор Центра глобальных бизнес-стратегий, Университет Сурайя, Научный бизнес парк, Индонезия.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель Китайского университета уголовной полиции, г. Шэньян, провинция Ляонин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий.

Содержание**ГОСТЬ РЕДАКЦИИ**

Интервью с Его Превосходительством доктором Риядом Хаддадом, Чрезвычайным и Полномочным Послом Сирийской Арабской Республики в Российской Федерации	5
---	---

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

Русакович В. И., Кухтин Г. В. Сирия: экономика, социальная сфера, перспективы развития	9
Тиань Ианьли Китайско-российское торговое сотрудничество: новый импульс развитию	22

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ

Белова Л. Г. Особенности инновационного развития малых передовых стран азиатско- тихоокеанского региона — Гонконга, Тайваня и Сингапура	31
Зотова А. С., Ашмарина С. И. Глобальные тенденции электронного обучения в российской системе высшего образования	46

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аман М., Неновски Н. Стабильность валютного курса и бегство капитала. Теоретическая модель и эмпирическое применение к Джибути	54
---	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кухтин Г. В. Глобальная безопасность и научно-технологический прогресс	70
--	----

Content

OUR GUEST

- Interview with the His Excellency Dr. Riyad Haddad, Ambassador of the Syrian Arab Republic to the Russian Federation 5

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

- Rusakov V.I., Kukhtin G.V.**
Syria: economy, social sphere, development prospects 9
- Yanli Tian**
China-Russia trade cooperation and new impetus to development 22

INNOVATION AND TECHNOLOGY

- Belova L.**
Innovative features for advanced development of small Asia-Pacific region's countries — Hong Kong, Taiwan and Singapore 31
- Zotova A., Ashmarina S.**
Global e-trends in Russian high education system 46

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Aman M., Nenovsky N.**
Stabilité du currency board et fuite des capitaux. Modèle théorique et application empirique au cas de Djibouti 54

SCIENTIFIC LIFE

- Kukhtin G.V.**
Global security, scientific and technological progress 70

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ / OUR GUEST

**ИНТЕРВЬЮ С ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВОМ ДОКТОРОМ
РИЯДОМ ХАДДАДОМ, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ И ПОЛНОМОЧНЫМ
ПОСЛОМ СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ваше Превосходительство, Сирия в России и за рубежом вызывает особый интерес, в том числе — в силу значительных экономических трансформаций, которые она переживает, в связи с теми социально-экономическими задачами, которые ей необходимо решать. Журнал «Россия и Азия», в том числе, ставит своей целью расширить знания наших сограждан об этой стране, особенностях и тенденциях ее социально-экономического развития. Это может быть интересно для студентов, научных работников, предпринимателей, потенциальных инвесторов и многих других категорий граждан. Поэтому мы просим Вас ответить на несколько вопросов о Сирии, о возможностях и направлениях развития торгово-экономических отношений между Россией и Сирией на современном этапе и в перспективе.

1. *Расскажите нам немного об истории и особенностях современного этапа развития экономики Сирии. Какие проблемы приходится решать стране, какие методы и механизмы она для этого использует?*

Сирия подверглась и подвергается самым ужасным видам войн, которым может быть подвергнуто любое государство и народ, начиная от терроризма и вооруженных террористических группировок, которые пришли из разных стран мира и поддерживаются оружием, финансами, техникой и различными наемниками-убийцами с целью уничтожения сирийского государства, народа и цивилизации. Но благодаря стойкости народа, армии и руководства Сирии, а также с помощью друзей и союзников во главе с Российской Федерацией, мы смогли противостоять этой грязной и несправедливой войне, направленной на разрушение всего в Сирии, начиная от цивилизации, истории, культуры, основ государства, инфраструктуры до уничтожения самого человека. Мы в Сирии обладаем объектами всемирного цивилизационного значения, богатой историей и культурой; народу Сирии присущи:

приверженность к земле и человеческим ценностям и право жить в мире, стабильности и безопасности, которые всегда были характерны для Сирии и сирийского народа.

После побед, достигнутых Армией Сирийской Арабской Республики и друзьями и союзниками Сирии, освобождения большей части сирийской территории, которая была осквернена агрессивным терроризмом, и возвращения людей в их города и поселки, чтобы жить и восстанавливать то, что разрушено и повреждено в результате террористических нападков, война в Сирии перешла с поля военных действий к экономической блокаде, санкциям и голоду населения.

Но благодаря стойкости сирийского народа и его поддержке руководства страны, его вере в необходимость сохранения отечества и содействию наших друзей, мы сегодня работаем, чтобы преодолеть эти трудности, а именно прорвать блокаду, которой подверглась наша экономика в области финансов, банковских операций и денежных переводов, а также эмбарго на ввоз сырой нефти для электростанций, которые представляют собой главные артерии сирийской экономики.

2. *Какие страны являются на сегодняшний день наиболее привлекательными для Сирии в торгово-экономическом плане? Происходят ли какие-то изменения в географии внешнеэкономической деятельности Сирии? Влияет ли на этот процесс ситуация на мировом рынке углеводородов или на других глобальных рынках или сферах?*

Сирия является независимой и суверенной страной, принимающей самостоятельные решения во всех аспектах экономической, культурной и социальной жизни, и мы открыты для взаимодействия с различными странами мира, за исключением тех, которые оккупируют нашу землю и подрывают основы жизни в Сирии.

Таким образом, на этом этапе, как и прежде, мы продолжаем работать, чтобы укрепить наши экономические и торговые отношения с Российской Федерацией, Китаем, Ираном и многими странами, которые не поддерживали терроризм и войну в Сирии.

3. *Как развиваются экономические отношения между Россией и Сирией? Есть ли российско-сирийские предприятия в России и в Сирии, и если да, то в каких сферах? В какие сферы (отрасли, виды деятельности) в Сирии Вы могли бы пригласить российских предпринимателей и инвесторов?*

Сирийско-российские экономические отношения имеют нарастающую тенденцию и развиваются день ото дня. И действительно, Сирия в результате международной террористической войны нуждается в большой поддержке и помощи для восстановления инфраструктуры, разрушенной в различных секторах, включая нефть, энергетику и строительство. Таким образом, естественно, что в Сирии работают российские компании, которые вносят свой вклад в процесс реконструкции в различных областях.

4. *Чем интересна Россия для Сирии в экономическом плане?*

Этот вопрос связан с предыдущим. Ведь Российская Федерация не только является исторически дружественной страной Сирии и ее народа. Россия — великая страна с огромными экономическим, промышленным и торговым потенциалом. Российские

компании обладают значительным опытом работы в жизненно важных и стратегических секторах Сирии, особенно на данном этапе реконструкции.

5. *Какие направления двустороннего торгово-экономического сотрудничества Вы считаете наиболее перспективными и эффективными?*

Несомненно, это электроэнергетика и строительство, восстановление работы поврежденных нефтяных месторождений и их дальнейшее развитие.

6. *Как Вы считаете, санкции ЕС и США против России могут как-то (как?) воздействовать на развитие российско-сирийских торгово-экономических отношений?*

Конечно, европейские и американские санкции, введенные в отношении России и Сирии, также включают аспекты, связанные с экономическими и торговыми отношениями, особенно в области банковских финансовых переводов. Однако мы активно работаем над поиском путей преодоления этих несправедливых санкций в отношении наших стран.

7. *Что мешает (затрудняет) развитию торгово-экономических отношений между Россией и Сирией? Какие шаги, на Ваш взгляд, следует предпринять для устранения (смягчения) имеющихся затруднений?*

Этот вопрос также связан с предыдущим вопросом: колоссальные препятствия представляют собой санкции, наложенные на две страны, в том числе запрет на финансовые операции с Центральным банком Сирии с целью помешать ему осуществлять денежные переводы для финансирования текущего процесса восстановления. Решение представляет собой поиск альтернативных финансовых транзакций, не контролируемых Западом.

8. *Какие традиции или особенности Сирии, в том числе экономические, могли бы быть интересны россиянам и привлекать их интерес к Вашей прекрасной стране?*

На протяжении веков Сирия известна своим народом, любящим мир и жизнь различных конфессий в гармонии. А также Сирия знаменита своей прекрасной природой: живописные горы, теплое побережье Средиземного моря и умеренный климат, что является хорошей туристической средой и способствует привлечению туристов, особенно наших российских друзей.

9. *Есть ли общность между гражданами России и Сирии в социально-культурном плане? Что интересного может быть для нас в Сирии в культурно-историческом плане? В гастрономическом плане?*

Народы Сирии и России — обладатели и наследники древней цивилизации и богатой истории, а, как известно, тот, кто имеет такое богатство, будет связан узами дружбы и любви с теми, кто имеет такую же богатую историю.

10. *Как Вы считаете, есть ли необходимость активизировать «продвижение» Сирии в России для привлечения туристов, предпринимателей,*

инвесторов из России в Сирии и наоборот? Что для этого можно предпринять? Если говорить о «бренде Сирии», о самом узнаваемом символе, что бы это могло быть? А что могло бы служить «брендом России» в Сирии?

Сирия — страна, хорошо известная российским гражданам, благодаря глубоким культурным и социальным отношениям между нами. С 1960-х годов многие сирийские студенты учились в российских университетах, многие из них женились на русских и, соответственно, возросло количество русско-сирийских семей, что в дальнейшем способствовало укреплению культурных и социальных связей. Однако это не исключает необходимости определения экономического климата российских инвесторов в Сирии и помогает им понять это благодаря многочисленным встречам, проводимым Посольством, в дополнение к той роли, которую оно играет. Посольство часто проводит различные встречи между сирийскими бизнесменами и их российскими коллегами, будь то в России или в Сирии.

Большое спасибо, Ваше Превосходительство, за Ваше интервью. Мы уверены, что эта интересная беседа даст новую информацию к размышлению для ученых и практиков, а также политиков, и их интерес к Сирии будет расти.

Интервьюер:

Кухтин Геннадий Витальевич

Сопредседатель
Международного общественного движения
«Российская служба мира»
(МОД «Росмир»)

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

СИРИЯ: ЭКОНОМИКА, СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Василий Игоревич Русакович*¹
*Геннадий Витальевич Кухтин*²

В статье анализируется современное социально-экономическое развитие Сирийской Народной Республики, сложившееся в процессе и после окончания военных действий. Исследуются основные тренды и проблемы развития экономики Сирии. Отмечена негативная роль международных экономических санкций. Сделан вывод о необходимости усиления экономической безопасности на основе диверсификации национального хозяйства и развития внешнеэкономической деятельности как в регионе, так и за его пределами.

Ключевые слова: Сирийская Народная Республика, экономическое развитие, экономическая безопасность, диверсификация, международное экономическое сотрудничество.

JEL-коды: F 02, F 43.

Введение

Многие авторы в настоящее время обращаются к исследованию различных — как политических (Ходынская-Голенищева, Сапронова, 2018), так и социально-экономических (Даюб А.Н., 2014), в том числе и внешнеторговых (Чаплик, Аль Хумсси 2019), аспектов развития современной Сирии. Это связано с тем, что исследование социально-экономического развития Сирии на современном этапе актуально не только для понимания внутренних проблем одной из ключевых стран Ближнего Востока, но и с точки зрения типологии процессов рыночной реструктуризации, которые протекают как в рамках бывшей системы централизованного хозяйствования, т. е. на постсоциалистическом пространстве, так и во многих странах с развивающимися рынками, использующих модели развития на базе этатизма, различных вариантов «смешанной экономики», кооперативного социализма и т. д. (Русакович, Сухова, 2015).

В числе мотивов роста научного интереса к сирийской проблематике можно выделить также влияние конфликта в Сирии на региональную и глобальную экономику, и

¹ Русакович Василий Игоревич — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

² Кухтин Геннадий Витальевич, сопредседатель Международного общественного движения «Российская служба мира» (МОД «Росмир»). www.ruspeace.ru.

влияние это отрицательное — прежде всего, в связи со снижением внешней торговли Сирии как со странами региона, так и за его пределами. Причина этого заключается в том, что против Сирии ведутся не только военные действия коалицией западных стран, но и война экономическая — санкции.

Однако, как показывает обзор научной литературы, контекст научных исследований за последние 5 лет изменился. Так, если до 2015 г. авторы констатировали, главным образом, тот факт, что «Ситуация в Сирии продолжает деградировать. Сирийский конфликт стал одним из наиболее разрушительных со времен геноцида в Руанде в 1994 г. Более 200 тыс. погибших, около 8 млн внутренне перемещенных лиц, более 3 млн беженцев» (Ходынская-Голенищева, 2015), а также посвящали свои исследования проблемам экономического развития в условиях военного конфликта (Абдульрахсан, 2015), то в последующие годы большое внимание уделяется авторами вопросам восстановления разрушенной экономической системы (Карпов, Карпова, 2018), международного торгово-экономического сотрудничества Сирии в условиях западных санкций (Чаплюк, Аль Хумси, 2015) и обеспечения экономической безопасности страны.

В этой связи профессор А. В. Федорченко отмечает, что «Достижение экономической безопасности — одна из основных целей всех арабских государств (включая Сирию). В макроэкономике экономическая безопасность — такое состояние или уровень развития средств производства в стране, при котором процесс устойчивого развития экономики и социально-экономическая стабильность общества обеспечиваются практически независимо от наличия и действия внешних факторов» (Федорченко, 2017).

В данной статье дан анализ социально-экономического развития Сирийской Арабской Республики с 2010 г. до настоящего времени для выявления устойчивых трендов. Анализ осуществлен на основе статистических данных ЮНКТАД для обеспечения сопоставимости данных.

Результаты и обсуждение

С начала XXI века сирийская экономика добилась определенного социально-экономического прогресса.

Несмотря на экономический кризис 2008 г., она была относительно стабильной со среднегодовым ростом подушевых доходов около 5%. ВВП на душу населения составил в 2010 г. 2830 долл. — величина, аналогичная показателям Египта и Марокко, но ниже, чем в большинстве стран Ближнего Востока и Северной Африки. Сельское хозяйство было (и остается) жизненно важным сегментом национальной экономики, составляя в 2010 г. 19,7% ВВП и обеспечивая работой 26% экономически активного населения (UNCTAD, 2019).

Устойчиво развивалась сфера услуг, особенно туризм, выступавший в довоенное время растущим источником доходов для сирийской экономики. Эти показатели были связаны как со структурными изменениями в экономике, в частности, с сокращением доли нефти в ВВП (в том числе за счет развития перерабатывающей промышленности — легкой, пищевой, химической и т.д.), государственных доходах и экспорте, так и со значительным увеличением доли обрабатывающей промышленности в экспорте.

Государство в значительной степени контролировало нефтяную отрасль, что было крайне важно для поддержания баланса бюджета и обеспечения занятости,

а макроэкономические основы были устойчивыми: низкий бюджетный дефицит и низкий государственный долг, профицит баланса текущего счета и относительно низкий уровень инфляции.

Но за 5 военных лет экономический рост в Сирийской Арабской Республике прекратился, как и приток капитала в страну, на фоне роста макроэкономической нестабильности и безработицы. За эти годы экономический ущерб в Сирии, по оценкам экспертов, составляет более 200 млрд долл. (Федорченко, 2017). Внешнеторговый оборот сократился с 2010 по 2018 гг. практически в 2 раза, и у страны, традиционно имеющей положительное сальдо внешнеторгового баланса, сформировалось отрицательное внешнеторговое сальдо как дополнительное бремя для национальной экономики.

Страна, по сути, вернулась на десятилетия назад в плане экономического и социального развития. Как видно из анализа статистических данных (табл. 1, 2, 3 и рис. 1), начиная с 2012 г. ВВП Сирии сокращался на протяжении 5-ти лет, обрушившись за весь исследуемый период в совокупности практически в 3 раза (при росте этого показателя в 2017 и 2018 гг.).

Таблица 1.

Некоторые показатели социально-экономического развития Сирии в 2010-2018 гг. в текущих ценах по текущему курсу, млн долл.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП, млн долл.	60 465	67 293	46 838	27 016	23 114	19 090	12 377	15 183	19 513
ВВП на душу населения, долл.	2 830	3 192	2 292	1 380	1 235	1 061	709	888	1 152
Население, тыс. чел.	21 363	21 082	20 439	19 578	18 711	17 997	17 466	17 096	16 945
Инфляция, % в год	4,40	4,75	36,70	83,26	-13,26	37,98	47,27	18,07	3,42
Экспорт	12 796	11 000	4 000	3 000	2 300	1 600	1 700	1 800	2 000
Импорт	4 613	5 101	5 575	6 053	6 497	6 856	6 967	7 280	7 965
Внешнеторговый оборот	17 409	16 101	9 575	9 053	8 797	8 456	8 667	9 080	9 965
Внешнеторговый баланс	8183	5899	-1575	-3 053	-4197	-5256	-5267	-5480	-5965
Экспортная квота	21,2	16,3	8,5	11,1	10,0	8,4	13,7	11,5	10,2
Импортная квота	7,6	7,6	11,9	22,2	28,1	35,9	56,3	47,9	40,8
Платежный баланс, баланс текущего счета, годовой	-1 307	-2 070	-1 821	-2 384	-2 149	-2 066	-1 941	-1 564	-1 659

Источник: составлено по данным ЮНКТАД.

Сокращение ВВП характеризовалось неравномерностью по секторам национальной экономики (табл. 2, 3 и рис. 1).

Таблица 2.

Валовой внутренний продукт Сирии по видам расходов, по видам экономической деятельности, в 2010–2017 гг., млн долл.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Валовой внутренний продукт (ВВП)	60465,11	67293,03	46838,06	27016,2	23114,4	19090,1	12377,36	15183,36
Расходы на конечное потребление	44129,53	47744,54	33685,09	19438,32	16551,38	13711,48	8886,201	10892,82
Расходы домохозяйств на потребление	36634,57	39759,69	28027,87	16165,8	13773,24	11407,27	7392,566	9062,882
Расходы на конечное потребление органов государственного управления	7494,964	7984,856	5657,219	3272,523	2778,139	2304,208	1493,635	1829,936
Валовое капиталобразование	16137,04	19683,17	13417,88	7617,263	6633,257	5443,229	3523,67	4336,345
Валовое накопление основного капитала	12559,89	12423,15	8922,529	5248,629	4387,016	3656,202	2374,787	2900,957
Изменение запасов	3577,15	7260,021	4495,356	2368,634	2246,241	1787,027	1148,883	1435,388
Общая добавленная стоимость	60465,11	67293,03	46838,05	27016,19	23114,4	19090,1	12377,36	15183,36
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыбное хозяйство	11935,6	13748,2	9830,52	5507,54	4761,93	3943,76	2543,4	3128,23
Промышленность	18543,1	20678,9	13847,6	8191,48	6981,71	5732,78	3736,14	4576,29
Добыча полезных ископаемых, производство, коммунальные услуги	16296	18465,5	12279,9	7259,18	6204,52	5086,25	3315,31	4062,63
Обрабатывающая промышленность	2913,48	3070,45	2206,17	1268,99	1076,37	894,949	579,338	709,841
Строительство	2247,11	2213,41	1567,68	932,293	777,19	646,534	420,829	513,658
Услуги	29986,5	32865,9	23160	13317,2	11370,8	9413,56	6097,82	7478,85
Оптовая, розничная торговля, ресторанное и гостиничное хозяйство	13540,9	14982,8	10611	6061,93	5189,8	4298,17	2781,03	3413,04
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыбное хозяйство	11935,6	13748,2	9830,52	5507,54	4761,93	3943,76	2543,4	3128,23

Источник: ЮНКТАД

Таблица 3.

Валовой внутренний продукт Сирии по видам расходов, по видам экономической деятельности, в 2010–2017 гг. в % к ВВП, годовой

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Валовой внутренний продукт (ВВП)	100	100	100	100	100	100	100	100
Расходы на конечное потребление	72,98346	70,9502	71,9182	71,95062	71,60634	71,82505	71,79401	71,7418
Расходы домохозяйств на потребление	60,58794	59,0844	59,83995	59,83743	59,58726	59,75488	59,72652	59,68956
Расходы на конечное потребление органов государственного управления	12,39552	11,8658	12,07825	12,11319	12,01908	12,07017	12,06748	12,05224
Валовое капиталовложение	26,68818	29,24994	28,6474	28,19517	28,6975	28,51336	28,46868	28,55985
Валовое накопление основного капитала	20,77213	18,46127	19,04974	19,42771	18,97958	19,15234	19,18654	19,10615
Изменение запасов	5,916057	10,78867	9,597656	8,76746	9,717928	9,361015	9,282134	9,453692
Экспорт товаров и услуг	32,65926	33,09358	31,60408	32,45231	32,38332	32,14657	32,3274	32,28576
Импорт товаров и услуг	32,3309	33,29372	32,16968	32,5981	32,68717	32,48498	32,59008	32,58741
Общая добавленная стоимость	100	100	100	100	100	100	100	100
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыбное хозяйство	19,73959	20,43034	20,98832	20,38608	20,60158	20,65866	20,54877	20,603
Промышленность	30,66741	30,72966	29,56479	30,32062	30,20502	30,03014	30,18526	30,14014
Добыча полезных ископаемых, производство, коммунальные услуги	26,95103	27,44046	26,21777	26,86975	26,84266	26,64339	26,78527	26,75711
Обрабатывающая промышленность	4,81844	4,562799	4,710209	4,697149	4,656719	4,688026	4,680631	4,675125
Строительство	3,716381	3,289205	3,347016	3,450868	3,362363	3,386749	3,399993	3,383035
Услуги	49,593	48,84	49,44689	49,2933	49,1934	49,3112	49,26596	49,25685
Оптовая, розничная торговля, ресторанное и гостиничное хозяйство	22,39461	22,26507	22,65473	22,43814	22,45265	22,51517	22,46865	22,47882
Транспорт, хранение и связь	9,552668	9,422283	9,484974	9,486642	9,464633	9,478749	9,476675	9,473352
Прочие виды деятельности	17,64573	17,15264	17,30719	17,36852	17,27612	17,31727	17,32064	17,30468

Источник: ЮНКТАД.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что большая часть потерь ВВП (83%) затронула 4 сектора — это внутренняя торговля, транспорт и связь, обрабатывающая промышленность и горнодобывающая промышленность. Так, резко сократилось производство в энергетическом секторе, поскольку добыча сырой нефти упала с 386 000 баррелей в день в 2010 г. до 9000 в 2014 г. Таким образом кризис оказал влияние на структуру сирийской экономики в абсолютном выражении.

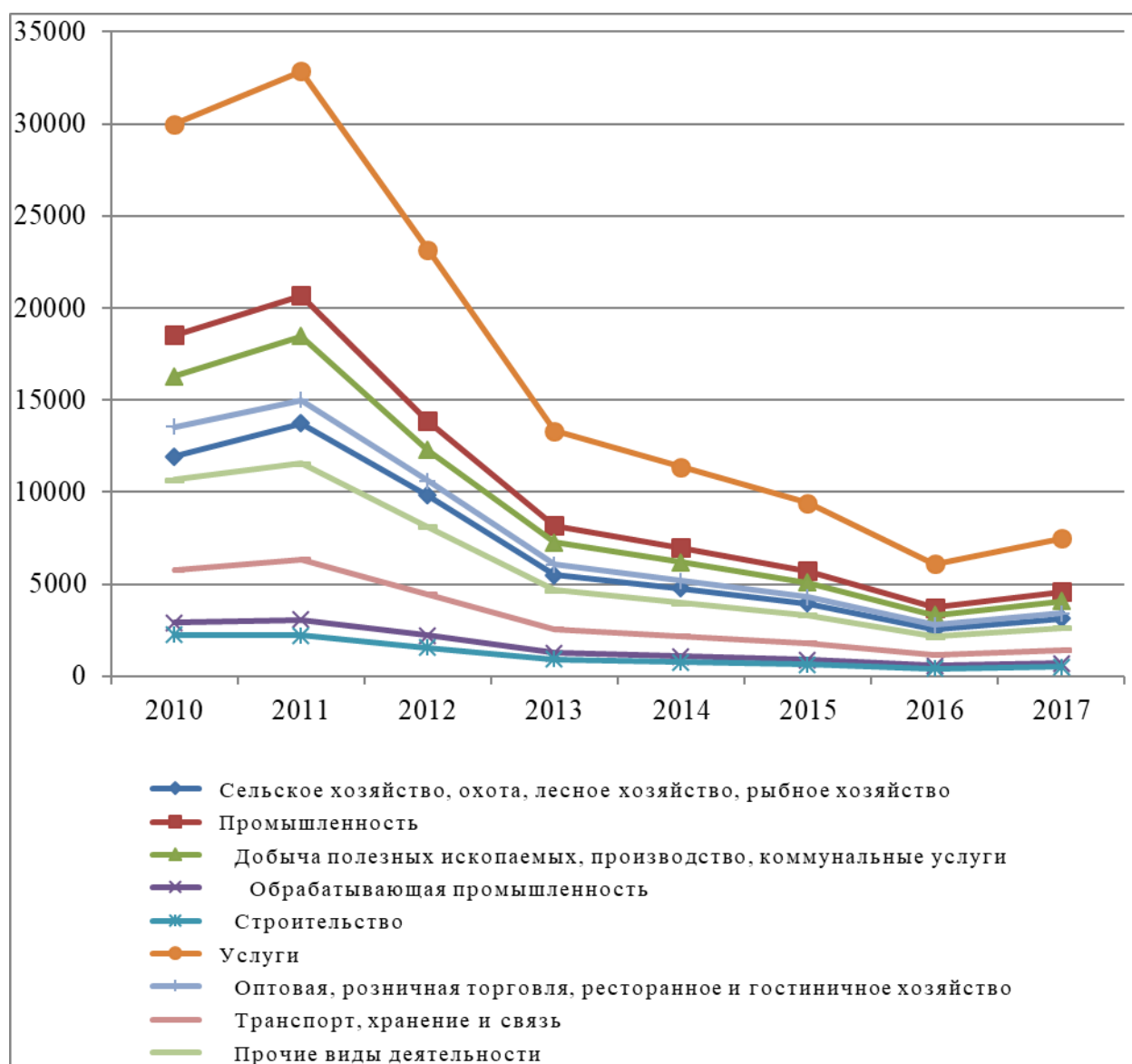

Рис. 1. Сокращение ВВП по секторам национальной экономики в Сирии в 2010-2017 гг.

Источник: составлено по данным табл. 2.

В то же время доли основных секторов национальной экономики Сирии в общем объеме ВВП практически не изменились (рис. 2).

Государственный бюджет Сирии на протяжении рассматриваемого периода верстается со значительным, хотя и не растущим, дефицитом (табл. 1), так как доходы бюджета от нефти и

налогов значительно сократились. Государственный бюджет столкнулся с резким ростом бюджетного дефицита, поскольку текущие расходы растут. В результате общий государственный долг увеличился, и главным инструментом финансирования национальной экономики стал внутренний долг. Лишь с 2017 г. наметился рост ВВП, причем таким образом, что в 2018 г. его объем по стоимости не достиг даже уровня 2000 г.

Рис. 2. Структура экономики Сирии по отраслям в 2017 г., % от ВВП.

Источник: составлено по данным табл. 2 и 3.

Экономические последствия агрессии международного терроризма против Сирии негативно отразились на расходной части ВВП. Расходы домохозяйств на потребление резко сократились в стоимостном выражении — примерно на 1/4 (табл. 2). Однако в 2016–2018 гг. имела место тенденция к росту потребления в стоимостном выражении, при сохранении его доли в ВВП (табл. 3).

В результате кризиса значительно сократились государственные и частные инвестиции — из-за отсутствия государственных доходов и резкого увеличения рисков и неопределенности. Общий объем инвестиций составил 7% ВВП, что существенно ниже докризисного уровня.

Кроме того, по данным экспертов, по состоянию на 2017 г. 7% жилого фонда разрушено, 20% жилищного фонда частично повреждено. Значительно повреждены газопроводы, линии электропередач, дороги, повреждено или уничтожено оборудование с высокой стоимостью, фактически разрушилась инфраструктура сирийской экономики (Werman, 2019).

В силу объективной невозможности самостоятельного удовлетворения национальных потребностей во многих видах товаров и услуг, страна фактически сталкивается со

значительным ограничением потребления, что оказывает давление непосредственно на экономику и социальную сферу (Русакович, Сухова, 2015).

Резко упала торговля, в том числе с региональными партнерами. Оживление экономики зависит от восстановления поврежденных цепочек поставок.

Рост импорта в сложившихся условиях говорит о том, что производственные мощности в отраслях национальной экономики разрушены, но потребности населения, национальных предприятий и государства требуют своего удовлетворения — как в сфере текущих нужд, так и стратегических задач восстановления национальной экономики. В то же время по стоимостному объему импорта Сирия занимает одно из последних мест в мире.

Хотя доступ Сирии к большому арабскому соглашению о свободной торговле (GAFTA) открыл новые и прибыльные рынки для сирийского экспорта, внутриарабская торговля остается низкой. Однако значительный рост торговли с Ираном, Турцией и ЕС указывает на многообещающую перспективу. Но все это зависит от конкурентоспособности сирийских фирм (Haddad, 2011).

Данные об иностранных инвестициях в Сирии отсутствуют в международных статистических базах данных, начиная с 2012 г. В то же время, несмотря на сохраняющиеся проблемы, в Сирии действует целый ряд иностранных банков. Так, в 2016 г. бахрейнская исламская банковская группа Al Baraka стала крупнейшим частным банком в стране.

В 2017-2018 гг. (а также, по уточненным оценкам, в 2019 г.) в экономике CAP отмечается ряд положительных тенденций:

- рост ВВП в 2017 г. относительно 2016 г. составил 22,6%, в 2018 г. — 28,5%. Он активизировался и по отраслям. Так, с 2019 г., несмотря на трудности, фармацевтическая промышленность Сирии покрывает 90% потребностей национального рынка (SANA, 2019);

- рост подушевых доходов достиг в те же годы 25% и 30% соответственно при замедлении сокращения населения;

- рост внешнеторгового оборота — преимущественно за счет наращивания импорта — составил в 2017-2018 гг. соответственно 4,7 и 9,4%. В то же время по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции, развитию сферы услуг и строительства стране не удалось в последние 2 года добиться устойчивых положительных результатов. Однако Сирия имеет хорошие возможности для привлечения значительных инвестиций в развитие таких быстрорастущих отраслей, как туризм, финансы, страхование и розничная торговля;

- происходит восстановление народного хозяйства. Так, в 2019 г. в г. Хаме был введен в эксплуатацию завод биопестицидов Trichoderma (который является первым в своем роде на Ближнем Востоке) и был заложен краеугольный камень для лаборатории Eichhornia Biocontrol; Министерство нефти и минеральных ресурсов объявило о вводе в эксплуатацию (Deir Attyieh 2) газовой скважины глубиной до 3620 м (скважина, как ожидается, будет добывать от 450 до 600 тыс. м³ газа в сутки и около 150 барр. конденсата); 4 октября 2019 г. возобновил свою деятельность ежегодный хлопковый фестиваль (до этого не проводился с 2011 г.). На 57-м

хлопковом фестивале в 2019 г. были представлены учреждения, компании и заводы, специализирующиеся на производстве хлопка, а также палаты промышленности, торговли и сельского хозяйства; Центральный банк Сирии (ЦБС) объявил о начале реализации инициативы «Моя валюта — моя сила» в координации с дамасской Торгово-промышленной палатой (SANA, 2019);

- экономические санкции затрудняют доступ к международному финансированию, что негативно влияет на социально-экономическую динамику в стране, включая удовлетворение потребностей местного рынка (Lacourt, Lester, Parkes, 2013);

- основными факторами роста сирийской экономики остается фактор «земля», т. е. добывающий энергетический сектор, а также сельское хозяйство (пережившие огромные потери в количестве и качестве), в то время как «труд» (и особенно «капитал») в настоящее время имеется в стране в явно недостаточных количествах и оставляет желать лучшего в смысле качества. И хотя в западной научной экономической литературе традиционно преобладает мнение о негативном влиянии изобилия природных ресурсов на национальную экономику (Prebisch, 1950; Hirschman, 1958), как и в целом на перспективы развития экономики САР (Daher, 2018), однако ни одно из этих объяснений не подтверждено эмпирическими исследованиями до настоящего времени. Поэтому, на наш взгляд, однозначного ответа на этот вопрос не только нет, но и не может быть, так как в каждом конкретном случае имеют место собственные особенности, подходы, цели и задачи, которые могут изменяться со временем.

В этих условиях для обеспечения дальнейшего развития экономики Сирийской Арабской Республики, по нашему мнению, необходимо:

— точно определить величину потерь страны в различных секторах и регионах, что даст возможность вернее выявить ее потребности для восстановления и дальнейшие тенденции развития национальной экономики и определить важнейшие приоритеты в налаживании внешнеэкономических связей;

— разработать собственную стратегию развития страны в кратко-, средне- и долгосрочном периоде на основе имеющихся условий и реальных задач, стоящих перед САР;

— на этой основе провести необходимые экономические реформы, направленные на активизацию национального реального сектора, включая малый и средний бизнес, для осуществления диверсификации национальной экономики и обеспечения национальной экономической безопасности.

Несмотря на поддержку России и Ирана, страна по-прежнему испытывает значительные потребности. Экономическая и социальная комиссия ООН для Западной Азии (The Economic Commission for Western Asia — ECWA) оценила общую стоимость восстановления Сирии в 388 млрд долл. США (Syrian Arab Republic, 2019).

Определенное содействие в решении насущных задач САР может оказать международное сотрудничество. Так, министр энергетики России уже подписал соглашение о сотрудничестве со своим сирийским коллегой. Россия считается крупным инвестором в месторождение фосфатов Хнефес в Пальмире. Кроме того, на сирийско-российском бизнес-

форуме, состоявшемся в начале 2019 г., представители сирийского правительства обратились с просьбой о российских инвестициях в ряд проектов — от строительства железных дорог до производства электростанций и цементных заводов. Все это, безусловно, сможет оказать положительное влияние на сирийскую экономику и обеспечит создание некоторого количества рабочих мест для местных жителей.

В свою очередь, на форуме сотрудничества Китая и арабских государств в начале 2018 г. было озвучено намерение Китая предоставить 23 млрд долл. в виде займов и помощи Ближневосточному региону, в том числе 90 млн долл. в виде гуманитарной помощи Йемену, Ливану, Сирии и Иордании — главным образом, в крупные инфраструктурные проекты (Werman, 2019).

Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай присоединится к усилиям по восстановлению Сирии «в пределах своих возможностей» (Китай заявил..., 2018).

Развивается и сотрудничество со странами Африки. В столице Сенегала Дакаре в 2019 г. прошла выставка сирийской продукции, которая включала в себя различные виды товаров сирийского национального производства, известных своим качеством и конкурентоспособностью. Эта выставка — хороший экономический и коммерческий шаг, поскольку она открывает новые горизонты для сирийского экспорта на сенегальском рынке и его распространения на рынки Западной Африки (SANA, 2019).

Таким образом, постепенно восстанавливаются и международные связи Сирийской Народной Республики, занимающей весьма выгодное географическое положение относительно глобальных торговых путей.

Заключение

Проведенный авторами анализ современного социально-экономического положения САР и тенденций его развития позволяет сделать следующие выводы.

1. Экономика Сирийской Арабской Республики и социальная система страны постепенно стабилизируются. В 2017–2018 гг. ВВП страны в стоимостном объеме увеличился практически на 57% относительно 2016 г., однако далеко еще не достигнут довоенный уровень. Так, ВВП на душу населения САР — один из самых низких в регионе. В то же время анализ выявил его рост, что, по нашему мнению, безусловная положительная тенденция и, как можно ожидать, она окажется устойчивой.

2. В национальной экономике сохраняются структурные проблемы. Важнейшая роль принадлежит добывающей промышленности (добываются нефть, фосфаты, хромовая и марганцевая руды, битум, железная руда, каменная соль, мрамор, гипс, гидроэнергетика), так как именно она остается основным источником национального дохода.

3. Для устойчивого долгосрочного развития страны важно обеспечивать национальную экономическую безопасность (включая меры по обеспечению продовольственной безопасности) на основе диверсификации национальной экономики и развития частного малого

и среднего бизнеса. Также мы отмечаем необходимость разработки адекватного инвестиционного законодательства и соответствующих законов, направленных на создание инвестиционной карты, охватывающей потребности устойчивого развития на национальном, отраслевом и региональном уровнях для удовлетворения потребностей национального хозяйства Сирии на этапе его восстановления. При этом неизбежен период усиления протекционизма для возвращения и обеспечения жизнеспособности пока еще неконкурентоспособных отраслей (Федорченко А. В., 2017).

4. Важно активизировать гуманитарное и экономическое сотрудничество с международными организациями, региональными и внерегиональными партнерами, направленное на восстановление как устойчивого экономического развития Сирии, так и восстановления ее в системе мировой торговли и международного инвестиционного сотрудничества.

Список литературы

1. Абдульрахман Р. (2015). Особенности развития экономики Сирии в условиях военного конфликта / В сборнике: Инновационные технологии управления Hi-tech-компаниями. Нижегородский государственный технический университет. С. 9–11. [Abdulrahman R. (2015) Features of development of economy of Syria in the conditions of the military conflict / Collection: Innovative technologies of management of Hi-tech companies. Nizhny Novgorod state technical University, pp. 9–11. (In Russian)].

2. Даюб А. Н. (2014). Экономика Сирии и ее место в мировой экономике / Экономика. Общество. Человек. Белгородский государственный технологический университет. С. 34–52. [Dayub A. N. (2014) Economy of Syria and its place in the world economy / Economy. Society. Man. Belgorod state technological University, pp. 34–52. (In Russian)].

3. Карпов А. С., Карпова К. В. (2018). Современное состояние экономики Сирийской Арабской Республики // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. № 3. С. 25–30. [Karpov A.S., Karpova K.V. (2018) The Current state of the economy of the Syrian Arab Republic // Bulletin of the Moscow humanitarian and economic Institute, No. 3, pp. 25–30. (In Russian)].

4. Русакович В. И., Сухова Р. А. (2015). Международные санкции — препятствие или стимул к развитию малой экономики (Опыт Сирии) // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 6. С. 99–107. [Rusakovich V.I., Sukhova R.A. (2015) International sanctions-an obstacle or incentive to the development of a small economy (The experience of Syria) // Scientific review. Series 1: Economics and law, No 6, pp. 99–107. (In Russian)].

5. Федорченко А. В. (2017). Арабский мир: возможен ли экономический ренессанс? // Вестник МГИМО Университета. № 1 (52). С. 83–100. [Fedorchenko A.V. (2017) The Arab world: is an economic Renaissance possible? // Bulletin of MGIMO University, No 1 (52), pp. 83–100. (In Russian)].

6. Ходынская-Голенищева М. С. (2015). Кризис в Сирии // Азия и Африка сегодня. № 6 (695). С.13–20. [Hodynskaya-Golenischeva M.S. (2015) Krizis v Sirii. Azia I Afrika segodnia, № 6 (695), pp. 13–20. (In Russian)].
7. Ходынская-Голенищева М. С., Сапронова М. А. (2018). Светские и этноконфессиональные аспекты политической системы Сирии до "Арабской весны" (2000-2011 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. № 1 (35). С.157-163. [Hodynskaya-Golenischeva M.S. (2018) Secular and ethno-confessional aspects of the political system of Syria before the "Arab spring" (2000-2011) // Bulletin of the Bryansk state University, No 1 (35), pp. 157-163. (In Russian)].
8. Чаплюк В. З., Аль Хумсси А. (2015). Внешнеэкономические связи между Сирией и Россией в период экономических санкций // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 1. С. 15–21. [Chapliyk V.Z., al Humssi A. Foreign trade and economic relations between Syria and Russia in the period of economic sanctions // Scientific review. Series 1: Economics and law, No 1, pp. 15–21. (In Russian)].
9. Чаплюк В. З., Аль Хумсси А. (2019) Анализ становления и перспективного развития внешнеэкономической политики Сирии: монография. Москва: РУДН [Chapliyk V.Z., al Humssi A. (2019) Analysis of the formation and future development of the foreign economic policy of Syria: monograph. Moscow: RUDN University (In Russian)].
10. Federation of Syrian Chambers of Commerce, the official site (2019) URL: <http://www.fedcommsyr.sy/>
11. UNCTAD (2019). URL: <http://www.unctad.org>
12. Syrian Arab News Agency (2019). URL: <https://www.sana.sy/en/?p=174873>
13. Syrian Arab Republic / Economic Studies (2019) URL: <https://www.coface.com/Economic-Studies-and-Country-Risks/Syrian-Arab-Republic>
14. Haddad B. (2011). The Political Economy of Syria: Realities and Challenges // Middle East Policy. 18(2): 46–61.
15. Hirschman A.O. (1958). The Strategy of Economic Development. New Haven, Conn.: Yale University Press.
16. Prebisch R. (1950). The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems. New York: United Nations department of economic affairs, Lake Success.
17. Werman A. (2019). Syria: Economic impact of the war's next stage. URL: <https://globalriskinsights.com/2019/01/economic-impact-syria-civil-war/>
18. Китай заявил о своих планах играть большую роль в развитии Сирии после войны URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4949694>
19. Daher J. (2018). The political economic context of Syria's reconstruction: a prospective in light of a legacy of unequal development. European University Institute. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/60112/MED_2018_05.pdf?sequence=4

SYRIA: ECONOMY, SOCIAL SPHERE, DEVELOPMENT PROSPECTS

Rusakovich Vasily Igorevich,

Plekhanov Russian University of Economics 117997, Moscow, Stremyanny lane, 36.

Kukhtin Gennady Vitalievich,

Co-chair of the International public movement "Russian service of peace" (MOD "Rosmir").

The article analyzes the current socio-economic development of the Syrian people's Republic, formed in the process and after the end of hostilities. The main trends and problems of the Syrian economy development are investigated. The negative role of international economic sanctions was noted. It is concluded that it is necessary to strengthen economic security on the basis of diversification of the national economy and development of foreign economic activity both in the region and abroad.

Keywords: Syrian people's Republic, economic development, economic security, diversification, international economic cooperation.

JEL-codes: F 02, F 43.

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ ТОРГОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: НОВЫЙ ИМПУЛЬС РАЗВИТИЮ

Тиань Ианьли¹

В статье рассмотрено текущее состояние торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией в аспекте нового импульса китайско-российскому сотрудничеству. Автор подчеркивает, что Китай и Россия являются важными стратегическими партнерами, имеющими долгую историю двустороннего экономического сотрудничества. Автор исходит из точки зрения, что после предложения президентом Китая Си Цзиньпином инициативы «Один пояс, один путь», сотрудничество между Китаем и Россией стало более тесным, чем когда-либо, и перспективам его развития стало уделяться большое внимание. Автор делает вывод о том, что Китай и Россия имеют сильную хозяйственную взаимодополняемость во многих областях. Автор обосновывает точку зрения, что следует в полной мере использовать преимущества двух стран для укрепления сотрудничества, чтобы взаимная выгода России и Китая стала более заметной и стабильной.

Ключевые слова: Китай, Россия, внешняя торговля, товарооборот, внешнеторговый баланс, структура внешней торговли.

JEL-коды: F12, F14.

Введение

Россия и Китай — две крупные страны мира, которые проводят все более активную внешнеторговую и, в целом, внешнеэкономическую политику. Они являются стратегическими экономическими партнерами на протяжении длительного периода. Россия и Китай могут получить от сотрудничества больше, чем от прямой конкуренции. Поэтому, а также в силу постепенного снижения роли западных стран в мировой экономике и политике, российско-китайское взаимодействие в экономической сфере ежегодно растет, как и значение этого взаимодействия, оказывающего большое влияние на мировые экономические и, в частности, торговые процессы.

Поэтому в мировой научной среде устойчив и интерес к российско-китайскому торгово-экономическому сотрудничеству. Многие авторы (как в России и Китае, так и в других странах) стремятся понять и переосмыслить значение этого сотрудничества, его динамику, характер, а также влияние на мирохозяйственные процессы.

¹ Тиань Ианьли — доктор экономических наук, профессор кафедры сельского и лесного хозяйства Института Экономики и Управления Аграрного Университета Внутренней Монголии, КНР. tianyanli @163.com

В частности, исследователи отмечают протяженность во времени российско-китайского сотрудничества, что обеспечивает хорошее знание партнеров (Александрова, Бергер, 2015; Dittmer, 2001). Делаются попытки охарактеризовать элементы неустойчивости и напряжения в двусторонних отношениях (Norling, 2007).

В последние годы все больший интерес вызывает взаимодействие между Россией и Китаем и его перспективы в связи с инициативой «Один пояс, один путь».

Однако большинство авторов устремляется в будущее российско-китайских отношений в поисках путей развития этих отношений, имеющих столь важное значение для мира в целом (Lotspeich, 2006), а потенциал российско-китайского сотрудничества исследователями обеих стран оценивается как высокий (Михайленко, 2015), в то время, как западные аналитики зачастую оценивают его негативно (Umland, 2015).

Объективными предпосылками российско-китайского взаимодействия являются: непосредственное соседство, протяженность границы между Россией и КНР, целостность трансграничных бассейновых экосистем: рек Амур, Уссури, оз. Ханка и др.; взаимодополняемость экономик, сочетаний природных ресурсов, совпадение ряда интересов в сотрудничестве, формирование трансграничных географических структур, сходство многих направлений реформ в РФ и КНР, устойчивые высокие темпы развития экономики КНР (9–10% в год) и, в последние годы, — экономики России (6–7% в год), большие различия в истории, культуре, традициях населения РФ и КНР (Никулина, Лугинец, 2015). Поэтому мы оцениваем перспективы российско-китайских торгово-экономических отношений как значительные и взаимовыгодные для сторон и для всего мира. В то же время мы согласны, что Россия и Китай — это страны с различными экономическими моделями и с разной экономической политикой.

Методология

В данной статье автором делается попытка проанализировать состояние взаимной торговли Китая и России на современном этапе. Количественные данные рассматриваются для оценки двусторонней торговли и инвестиционной деятельности в сравнительном контексте. Оцениваются как уровень, так и динамика двусторонней торговли на основе авторского статистического анализа международных данных ЮНКТАД.

Современное состояние экономического сотрудничества между Китаем и Россией

Важным показателем уровня экономического взаимодействия стран выступает динамика и характер двустороннего товарооборота. Проанализируем состояние российско-китайской торговли — ее динамику, характер и особенности. Статистические данные свидетельствуют, что двустороннее торговое сотрудничество стабильно и постоянно расширяется (рис. 1 и табл. 1).

Таблица 1.

Динамика взаимной торговли России и Китая в 1995-2018 гг., млн. долл.

	1995	2000	2005	2010	2011	2012
Экспорт России в КНР	3 495,0	5 247,6	13 047,7	19 783,0	34 692,4	35 766,8
Импорт России из КНР	1 331,4	1 982,0	11 762,1	33 909,5	44 638,4	46 650,6
Товарооборот	3 495,00	5 247,60	24 809,80	53 692,50	79 330,80	82 417,40
Сальдо	2 163,6	3 265,6	1 285,6	-14126,5	-9946,0	-10883,8
	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Экспорт России в КНР	35 625,4	37 414,6	28 335,0	28 021,3	37 524,5	56 019,9
Импорт России из КНР	50 123,6	51 866,2	34 940,7	38 246,3	46 771,4	51 397,0
Товарооборот	85 749,00	89 280,80	63 275,70	66 267,60	84 295,90	107 416,90
Сальдо	-14498,2	-14 451,6	-6 605,7	-10225,0	-9 246,9	4 622,9

Источник: составлено по ЮНКТАД.

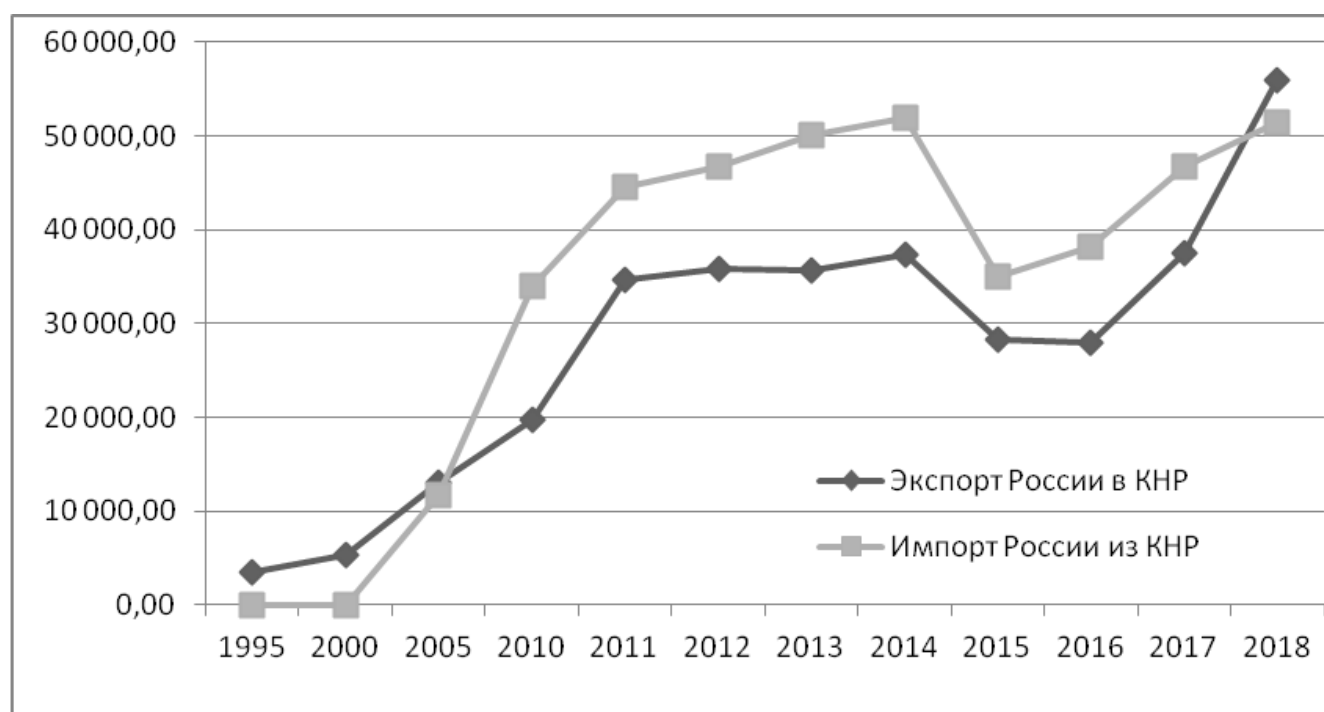

Рис. 1. Динамика взаимной торговли России и Китая в 1995-2018 гг., млн долл.

Источник: составлено по данным табл. 1.

Это происходит на фоне роста общих стоимостных объемов внешней торговли Китая.

Так, в 1995 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Россией составил 3,5 млрд долл. США. В 2018 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Россией увеличился до 107,4 млрд долл. США, т. е. более чем в 30 раз!

С 2010 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Российской Федерации.

В период с 1995 по 2018 гг. китайско-российская торговля пережила 2 значительных спада. В 2009 г. — из-за кризиса субстандартного ипотечного кредитования в США, спровоцировавшего глобальный финансовый кризис, двусторонняя торговля впервые сократилась до 39,5 млрд долл. США. После этого в 2015 г. ее объем по стоимости сократился из-за внешних факторов, таких как недостаточный спрос на международном

рынке и более низкие цены на товары, такие как сырая нефть. Объем двусторонней торговли постепенно восстанавливался, и с 2015 по 2018 гг. наблюдался хороший импульс развития.

Рост двусторонней торговли обеспечивался за счет наращивания китайского экспорта в Россию. В 2010–2017 гг. китайский экспорт превышал импорт из России. Максимальный объем отрицательного для России внешнеторгового баланса был достигнут в 2016 г. — 10225,0 млн долл.).

В 2018 г. товарооборот Российской Федерации и КНР, по данным ЮНКТАД, составил 107,4 млрд долл. США (исторический рекорд), увеличившись по отношению к 2017 г. на 27,4% (или на 23 121 млн долл. США). В Главном таможенном управлении КНР отметили, что главными статьями экспорта Китая в Россию стала продукция электромеханической отрасли, а импорта — нефть, уголь и пиломатериалы (General Administration of Customs, 2019).

Но в 2018 г. у России оказался положительный баланс с Китаем. Двусторонняя торговля несбалансирована по товарной структуре, что создает в настоящем и может создать в будущем проблемы и напряженность в отношениях.

Торговая структура между двумя странами должна быть оптимизирована

Несмотря на продолжающееся расширение торговли между Китаем и Россией, все еще существует много областей для улучшения структуры торговли между двумя странами. В целом, товарная структура российско-китайской торговли остается стабильной. В ней с китайской стороны преобладает трудоемкая продукция и продукция с высокой добавленной стоимостью, а с российской стороны — сырьевые товары первичной переработки. В двусторонней торговле между двумя странами добавленная стоимость продукции остается низкой, в основном за счет сырья и энергоносителей. Эти продукты также имеют большую нагрузку на ресурсы и окружающую среду.

Но в последние годы доля минеральных продуктов и химических продуктов, импортируемых Китаем из России, увеличивается с каждым годом. В структуре экспорта Китая в Россию тенденция роста электромеханической продукции является наиболее впечатляющей, и она стала первым крупным товаром в экспортной торговле Китая с Россией.

В 2017 г. экспорт механических и электрических изделий из Китая составил около 60% от общего объема экспорта механических и электрических изделий, а импорт механической и электрической продукции из России составил около 35% от общего объема механических и электрических изделий. Постепенное увеличение импорта и экспорта китайских и российских механических и электрических изделий также привело к росту торговли другими товарами между Китаем и Россией (см. табл. 2).

Таблица 2.

Изменения в китайско-российской структуре импорта и экспорта
(в качестве примеров 1996, 2000, 2004, 2008, 2012, 2017 и 2018 гг.)

Год	Топ-5 товаров, которые Россия экспортирует в Китай	Топ-5 товаров, которые Россия импортирует из Китая
1996	1. Железо и сталь. 2. Удобрения. 3. Электрическое, электронное оборудование. 4. Ядерные реакторы, котлы, оборудование и т. д. 5. Корабли, лодки и другие плавсредства.	1. Мясо и съедобные мясные субпродукты. 2. Обувь, гетры и аналогичные изделия, их части. 3. Фрукты, орехи, кожура цитрусовых, дыни. 4. Готовая продукция из мяса, рыбы и морепродуктов. 5. Электрическое, электронное оборудование.
2000	1. Железо и сталь. 2. Алюминий и изделия из него. 3. Корабли, лодки и другие плавсредства. 4. Минеральное топливо, масла, продукты дистилляции и т. д. 5. Древесина и изделия из дерева, древесный уголь.	1. Органические химикаты. 2. Минеральное топливо, масла, продукты дистилляции и т. д. 3. Игрушки, игры, спортивные принадлежности. 4. Прочие промышленные изделия. 5. Ядерные реакторы, котлы, оборудование и т. д.
2004	1. Минеральное топливо, масла, продукты дистилляции и т. д. 2. Железо и сталь. 3. Древесина и изделия из дерева, древесный уголь. 4. Удобрения. 5. Ядерные реакторы, котлы, оборудование и т. д.	1. Электрическое, электронное оборудование. 2. Ядерные реакторы, котлы, оборудование и т. д. 3. Игрушки, игры, спортивные принадлежности. 4. Обувь, гетры и аналогичные изделия, их части. 5. Предметы одежды, аксессуары, не трикотажные или вязаные.
2008	1. Минеральное топливо, масла, продукты дистилляции и т. д. 2. Древесина и изделия из дерева, древесный уголь. 3. Удобрения. 4. Руды, шлак и зола. 5. Органические химикаты.	1. Ядерные реакторы, котлы, оборудование и т. д. 2. Обувь, гетры и аналогичные изделия, их части. 3. Транспортные средства, кроме железнодорожного, трамвай. 4. Пластмассы и изделия из них. 5. Предметы одежды, аксессуары, не трикотажные или вязаные.
2012	1. Минеральное топливо, масла, продукты дистилляции и т. д. 2. Древесина и изделия из дерева, древесный уголь 3. Руды, шлак и зола. 4. Удобрения. 5. Ядерные реакторы, котлы, оборудование и т. д.	1. Ядерные реакторы, котлы, оборудование и т. д. 2. Электрическое, электронное оборудование. 3. Обувь, гетры и аналогичные изделия, их части 4. Транспортные средства, кроме железнодорожного, трамвай 5. Пластмассы и изделия из них
2017	1. Минеральное топливо, масла, продукты дистилляции и т. д. 2. Древесина и изделия из дерева,	1. Ядерные реакторы, котлы, оборудование и т. д. 2. Транспортные средства, кроме

	древесный уголь. 3. Ядерные реакторы, котлы, оборудование и т. д. 4. Рыба, ракообразные, моллюски, водные беспозвоночные. 5. Руды, шлак и зола.	железнодорожного, трамваи. 3. Обувь, гетры и аналогичные изделия, их части. 4. Предметы одежды, аксессуары, не трикотажные или вязаные. 5. Пластмассы и изделия из них
2018	1. Минеральные продукты. 2. Древесина и целлюлозно-бумажные изделия. 3. Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье. 4. Машины, оборудование и транспортные средства. 5. Продукция химической промышленности.	1. Машины, оборудование и транспортные средства. 2. Текстиль и обувь. 3. Продукция химической промышленности. 4. Металлы и изделия из них. 5. Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье.

Источник: составлено по: ЮНКТАД

Согласно российской таможенной статистике, Китай остается страной с наибольшим импортом российской сельскохозяйственной продукции, и количество импорта увеличивается с каждым годом. Китай ежегодно импортирует большое количество рыбопродукции из России, и Россия является страной с наибольшим импортом китайской рыбопродукции. Сельское хозяйство выступает основой национального развития. Тесное сотрудничество между Китаем и Россией в области сельскохозяйственной продукции играет важную роль в содействии быстрому развитию сельского хозяйства в Китае и России, а также стимулирует развитие торговли другими товарами между двумя странами и эффективно способствует устойчивому развитию китайско-российской торговли.

В целом, есть факт стабилизации уровня внешней торговли в условиях меняющихся внешних и внутренних экономических факторов, отрицательно влияющих на динамику соответствующих показателей. Это произошло не случайно, а благодаря усилиям руководства двух стран по развитию делового сотрудничества. При этом, несмотря на рост объемов торговли, доля России во внешнеторговом обороте Китая еще мала и составляет менее 9,8% (Савинский, 2017).

Ожидается, что в 2019 г. на фоне роста стоимостных объемов внешней торговли Китая (China customs, 2019) уровень российско-китайской торговли, как минимум, сохранится на уровне 2018 г.

Выводы

Китай и Россия, как крупнейшие в мире страны и крупнейшие соседние государства в Азии, стабильно развивают двусторонние отношения. Это сотрудничество позволяет поддерживать мир и стабильность не только во всей Азии, но и во всем мире. Россия унаследовала большую часть науки и технологий Советского Союза, намного превосходя уровень Китая в высоких и новых технологиях, и в то же время у Китая широкий рыночный спрос и хорошая рыночная система. Обе стороны могут реализовать дополнительные экономические и ресурсные преимущества двух стран посредством создания экономической и торговой зоны, совместных исследований и разработки высоких технологий,

преобразования достижений науки и техники в передовые производительные силы для осуществления экономических преобразований двух стран.

Опираясь на возрождение Китаем Северо-восточной базы и стратегию восточного развития России, энергично создавая государственную инфраструктуру границы, обе стороны должны ускоренными темпами построить транспортную сеть, основанную на железных дорогах и портах, чтобы способствовать развитию экономических и торговых зон.

Обе страны должны содействовать инвестициям и сотрудничеству в ключевых региональных проектах, углублять сотрудничество в области экономики, торговли, туризма, высоких технологий и высококвалифицированных работников современности, чтобы способствовать продуктивному развитию двусторонних отношений.

Представляется, что росту взаимовыгодной торговли могло бы содействовать создание российско-китайской зоны свободной торговли и решение имеющихся проблем в сфере таможенной деятельности. Для этого нами предлагается:

Во-первых, ускорить осуществление упрощения таможенного оформления и постепенно устранять проблемы, которые волнуют большинство экспортно-импортных компаний. Прежде всего, это касается прорыва в упрощении нормативных документов по импорту и экспорту, сжатие времени таможенного оформления и снижение портовых сборов.

Во-вторых, поддержка трансграничной электронной коммерции для роста внешней торговли. В этой связи задачами таможенных служб обеих сторон могут стать улучшение пруденциального регулирования, системы статистики трансграничной электронной коммерции, улучшение таможенного регулирования и повышение его прозрачности и скорости, обеспечение законной защиты прав интеллектуальной собственности и бизнеса, прав потребителей, создание благоприятной среды для развития трансграничной электронной коммерции.

В-третьих, работа по внедрению инноваций во внешнеторговую сферу.

В-четвертых, КНР продвигает диверсификацию и интеграцию экспортных рынков. С акцентом на инициативу «Один пояс и один путь», России и Китаю следует углублять международное таможенное сотрудничество, ускорить внедрение «единого окна» стыковки, сотрудничество в области взаимного признания электронных сертификатов, содействовать оптимизации внешнеторговых потоков и т. д. Все это важно для экспортеров, чтобы обеспечить больше облегчения таможенного оформления за рубежом и ускорения движения внешнеторговых потоков.

В-пятых, в КНР серьезно относятся к реализации льготной политики снижения налогов и сборов. Совершенствование системы налоговых гарантий, дальнейшее упрощение нормативных документов и сопроводительных документов, строгая реализация налоговых льгот и налоговых льгот даст возможность предприятиям-экспортерам в полной мере пользоваться дивидендами современной торговой политики.

Наконец, в последние годы китайское государство выдвинуло ряд конкретных инициатив по развитию частного предпринимательства. В этой связи важно, чтобы доля частных предприятий в импорте и экспорте России и Китая увеличилась, в том числе в региональном масштабе, т. е. не только из приграничных и центральных регионов, но и из других, менее развитых в настоящее время.

Важно глубже исследовать особенности китайско-российской торговли, ее направления, пути оптимизации, влияние на экономики Китая, России и мира. Если две

экономически развитые державы — Китай и Россия — смогут как можно скорее достичь полного доверия и региональной экономической интеграции в торговле и экономике, они в определенной степени изменят экономическую структуру мира и положат конец мировой модели «одна сверхдержава и множество сильных сторон».

Список литературы

1. Александрова М. В., Бергер Я. В. (2015). Четверть века торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР (на примере провинции Хэйлунцзян) // Проблемы Дальнего Востока. №6. С. 56-72. [Alexandrova M.V., Berger Y.V. (2015). Quarter century of trade and economic cooperation between Russia and China (on the example of Heilongjiang province) // Problems of the Far East, No 6, pp. 56–72. (In Russian)].
2. Михайленко А. (2015). Потенциал российско-китайского экономического сотрудничества // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. № 11 (310). С. 74–87. [Mikhailenko A. (2015) the Potential of Russian-Chinese economic cooperation // Scientific and analytical journal Obozritel-Observer, No 11 (310), pp. 74–87. (In Russian)].
3. Никулина О. В., Лугинец Р. В. (2015). Стратегия развития российско- китайских торговых отношений: перспективы сотрудничества в условиях преодоления экономического кризиса // Дайджест-финансы. №3. С. 59–72. [Nikulina O.V., Luginets R.V. (2015). Strategy for the development of Russian-Chinese trade relations: prospects for cooperation in overcoming the economic crisis // Digest-Finance, No, 3, pp. 59–72. (In Russian)].
4. Савинский А. В. (2017). Внешняя торговля Китая и сотрудничество с Россией // Россия и Азия. № 1. С.44–49. [Savinsky A.V. (2017). Foreign trade of China and cooperation with Russia // Rossiya i Aziya, № 1, pp. 44-49.) (in Russian)].
5. China customs import and export press conference in the first half of 2019 (2019). URL: <http://fangtan.customs.gov.cn/tabid/660/Default.aspx>
6. Dittmer L. (2001). The Sino-Russian Strategic Partnership // Journal of Contemporary China, Vol. 10, No. 28.
7. General Administration of Customs of the People's Republic of China (2019) URL: <http://www.customs.gov.cn/>
8. Lotspeich R. (2006) Perspectives on the economic relations between China and Russia // Journal of Contemporary Asia, № 36(1), pp.48–74.
9. Norling N. (2007). China and Russia Partners with tensions // Policy Perspectives, No 4, pp. 33-48.
10. Umland A. (2015). Drei Risiken der russisch-chinesischen Entente // Die Zeit. 22 Juni
11. UNCTAD (2019). URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>
12. Varadzhakov S., Prajakti K. (2011). The Customs Union Between Russia, Kazakhstan and Belarus: First Steps Towards the Revival of the Silk Road. University of Cambridge — Cambridge Central Asia Forum and Independent. URL: <https://ssrn.com/abstract=1794403>

CHINA-RUSSIA TRADE COOPERATION AND NEW IMPETUS TO DEVELOPMENT

Yanli Tian,

College of economic and management, Inner Mongolia Agriculture University
306 Zhaowuda Road, Hohhot, Inner Mongolia, China, 010018

The article considers the current state of trade and economic cooperation between China and Russia in the aspect of a new impetus to Chinese-Russian cooperation. The author emphasizes that China and Russia are important strategic partners with a long history of bilateral economic cooperation. The author proceeds from the point of view that after Chinese President XI Jinping proposed the "one belt, one road" initiative, cooperation between China and Russia has become closer than ever, and great attention has been paid to the prospects of its development. The author concludes that China and Russia have a strong economic complementarity in many areas. The author substantiates the point of view that it is necessary to fully use the advantages of the two countries to strengthen cooperation, so that the mutual benefit of Russia and China becomes more visible and stable.

Keywords: China, Russia, foreign trade, trade turnover, foreign trade balance, structure of foreign trade.

JEL-codes: F12, F14.

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ / INNOVATION AND TECHNOLOGY**ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ
ПЕРЕДОВЫХ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА —
ГОНКОНГА, ТАЙВАНЯ И СИНГАПУРА**

Людмила Георгиевна Белова¹

В статье анализируются особенности инновационного развития в малых восточноазиатских «тиграх». Предметом статьи являются программы и механизмы развития информационного общества и создания креативных отраслей в Гонконге, Тайване и Сингапуре. Проведенное исследование показало, что инновационное развитие и создание устойчивых инноваций в малых передовых странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) осуществляются в ходе становления и развития информационного общества (ИО). Специфику построения ИО в малых передовых странах АТР составляет опора этого процесса на достижения индустриального развития, а также на взаимодействие государства, науки и бизнеса в форме государственно-частного партнерства (ГЧП). Важными условиями реализации стратегических государственных планов в малых передовых странах АТР по развитию ИО и достижению конкурентных преимуществ являются: апостериорный подход в стратегическом управлении, переход на стратегии «зеленого роста» и на модель устойчивого развития, органичное встраивание процесса построения ИО в глобализацию мировой экономики.

Ключевые слова: глобализация, инновационное развитие, устойчивые инновации, информационное общество, государственно-частное партнерство.

JEL-коды: D 23, D 24, D 80.

Введение

Широкое распространение применительно к общественному развитию получили в конце XX — начале XXI в. такие понятия, как глобализация, инновационное развитие, устойчивый рост. Сознвая значимость всех этих понятий для оценки современных тенденций, нельзя не признать, что глубинную сущность второй декады XXI в. отражает категория «инновационное развитие», которая достаточно широко исследована и освещена в отечественной и зарубежной экономической литературе.

¹ Белова Людмила Георгиевна — доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики экономического ф-та Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Мы придерживаемся устоявшегося в профессиональном сообществе понимания инновации как реализованного новшества, независимо от сферы применения (Азгальдов, Костин, 2009; Винокуров, 2017; Николаев, 2017). На современном этапе общественного развития все развитые страны соревнуются за лидерство на мировых рынках в инновациях. Это обусловлено множеством факторов, в том числе с невозможностью добиться высокой международной конкурентоспособности (МКСП) при наличии износа основных фондов производства, высокой себестоимости продукции, низкой конкурентоспособности (КСП) товаров как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

В 2015 г. истек срок реализации программы «Цели развития тысячелетия», и мировое сообщество приступило к практической работе по определению глобальной «Повестки дня в области развития на период после 2015 года» (UN, 2015; UN System Task Team, 2015). Это определило необходимость нового глобального подхода к достижению каждой из целей обеспечения благосостояния людей, всеобщего прогресса и процветания.

Достижение такой парадигмы требует переориентации приоритетов в мировом масштабе и на уровне отдельных государств: формирование благоприятных возможностей для инноваций, устранение ограничений в применении существующих технологий, выполнение полного спектра задач и обязательств, лежащих в основе «Целей развития тысячелетия», в том числе защита окружающей среды, здоровья, локализация эпидемий, смягчение последствий изменения климата. Все эти факторы привели к выходу на авансцену такого понятия, как «устойчивые инновации».

Несмотря на актуальность и важность этой категории, исследованию которой был посвящен ряд национальных и международных исследований, в мировой экономической литературе не сложилось общепринятого определения этого явления. Мы понимаем устойчивые инновации как инновации, улучшающие экологический и социальный профиль производства, сокращающие влияние на окружающую среду. Это предполагает увеличение объема используемого в производстве возобновляемого сырья, добываемого экологически безопасным способом, сырья, получаемого с использованием «зеленой химии», усовершенствование экологических характеристик материалов, внедрение социально ориентированных стратегий, достижение организацией такого состояния, при котором она способна быть инновационной в любом направлении своей деятельности: менеджменте, взаимодействии с клиентами и внутри команды, разработке и поддержке продуктов и т.п.

Под устойчивым развитием понимается сбалансированное развитие человечества и биосферы Земли в таких формах взаимодействия, при которых реализуется совместное гармоничное развитие, или *коэволюция* общества и природы. Предполагается гармонизация решения социально-экономических задач и проблем сохранения окружающей среды в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей. Методологической основой концепции устойчивого развития является учение о ноосфере (сфере разума), впервые сформулированное В.И.Вернадским.

Согласно концепции устойчивого развития, в настоящее время в условиях глобализации и становления постиндустриального общества как информационной цивилизации, общественно-исторический процесс характеризуется неустойчивостью развития. По мере внедрения новейших интеллектуальных ИКТ и с их помощью будет постепенно осуществляться движение к устойчивому развитию и становление ноосферы (эры разума).

Устойчивое развитие связано с решением проблемы достаточного энергетического снабжения и выходом из «ресурсного коллапса», обусловленного активным потреблением и истреблением ресурсов человечеством, с одной стороны, и линейным развитием (путем модификации уже изобретенного) технического прогресса — с другой. Возможности выхода из этого «коллапса» связаны с нанотехнологиями в направлении решения двух типов задач: во-первых, внедрения принципиально новых материалов (с помощью атомно-молекулярного конструирования) и, во-вторых, перехода на принципиально новые, неистощимые ресурсы и технологии, созданные по образцу живой природы. Это предполагает конвергенцию (взаимопроникновение) знаний и технологических достижений — нано-, био-, информационных и когнитивных технологий. По первым буквам английского наименования направлений составлена аббревиатура «NBIC»: нанотехнологии — *nanotechnology*; биотехнологии — *biotechnology*; информационные технологии — *information technology*; когнитивная наука — *cognitive science*. Данная тенденция получила наименование конвергенция НБИК технологий (NBIC конвергенция) и представляет один из самых обсуждаемых в международной научной среде методологических вопросов.

Переходный этап от старой модели неустойчивого развития к новой — модели устойчивой цивилизации ноосферного общества — представляет информационное общество (ИО). В той мере, в какой информатизация развивается бесконтрольно и стихийно, она является результатом постиндустриального неустойчивого развития. По мере осознанного направления информатизации на реализацию целей устойчивого развития и в ходе совершенствования ИО, она становится признаком становления эры ноосферы (Урсул, Романович, 2001). В форме ИО, его развития и совершенствования осуществляется в настоящее время инновационное развитие всех передовых стран мира.

Выявление «лучших практик», стратегий и инструментов инновационного роста и повышения международной конкурентоспособности (МКСП) предполагает определение круга стран, опыт которых имеет теоретическую и практическую значимость. К числу таких стран относятся малые передовые страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Мы фокусируем наше исследование на Сингапуре, Гонконге и Тайване, потому что эти страны не только смогли за исторически короткий период превратиться из слаборазвитых стран в богатейшие страны мира, но сделали это в условиях полного (Гонконг) или практически полного (Сингапур, Тайвань) отсутствия природных ресурсов. При этом следует учитывать, что Гонконг и Тайвань входят в состав Китайской Народной Республики, однако они исследуются в качестве самостоятельных экономических систем (которые обычно называются «страна»), что отнюдь не подрывает политический статус Гонконга как специального административного района (САР) и Тайваня как провинции КНР.

Мы воспользовались подходом, применяемым в исследованиях Всемирного экономического форума, согласно которому «термины *страна* и *нация* не всегда означают территориальное объединение, признаваемое государством в международном праве и практике... данные термины означают четко определенные, географически самостоятельные экономические зоны, которые могут не являться государствами, но для которых статистические данные разрабатываются отдельно и на независимой основе» (Доклад о мировом развитии, 2009). Гонконг и Тайвань пользуются правом независимого членства в международных организациях, в том числе в АСЕАН и АТЭС. Мы в своем исследовании условно называем Гонконг и Тайвань «странами» (и употребляем предлог «в» применительно к Тайваню, имея в виду не остров, а «страну» Тайвань).

Программы развития ИО в малых передовых восточноазиатских странах

Сингапур был в числе первых стран, в которых стратегии создания ИКТ-сектора разрабатывались еще в 1980-е гг. В 1981 г. было провозглашено поэтапное Движение к информационному обществу (табл. 1).

Первый проект плана развития экономики на базе ИКТ был разработан Министерством торговли и промышленности Сингапура. В Плате подчеркивалась роль компьютеризации как основного фактора повышения технологического и экономического уровня, уровня знаний и профессионализма. Был провозглашен основной принцип правительства: «начать с себя и показать пример всей нации», поэтому в стране активно внедрялись системы электронного правления. В 1981 г. были запущены Программа «Движение к информационному обществу» и Программа компьютеризации государственных служб (*Civil Service Computerization Programme, CSCP*).

Таблица 1.

Программы построения и развития ИО в Сингапуре

Годы	Программы / Содержание
1970-е гг.	Программа развития высокотехнологичных отраслей на базе достижения стабильности и практически полной занятости
1980 г.	Первый проект плана развития экономики на базе ИКТ Министерства торговли и промышленности Сингапура
Первая фаза информатизации	
1981	Запуск Программы «Движение к информационному обществу»
1981-1983	Программа компьютеризации государственных служб (<i>Civil Service Computerization Programme, CSCP</i>)
Вторая фаза информатизации	
1984	Внедрение ИКТ в частном корпоративном секторе и домохозяйствах Создание Комитета по национальной компьютеризации (<i>Committee For National Computerization, CNC</i>) Создание Национального компьютерного совета (<i>National Computer Board, NCB</i>)
1984	Создание 34-х компьютерных систем в министерствах и ведомствах для автоматизации административного и финансового управления Объединение государственных институтов в единую сеть IDNet
1986	«Национальный план по информационным технологиям» (<i>National Information Technology Plan</i>)
Третья фаза информатизации «IT 2000»	
1990	Программа долгосрочного развития "The Next Lap" ("Следующий Круг")
1991	План «ИТ 2000 — Разумный остров» (<i>IT2000 — Intelligent Island</i>)
1998	Проект создания общенациональной широкополосной сети по предоставлению мультимедийных интерактивных услуг «Сингапур Уан — Одна Сеть для Всех» (<i>Singapore ONE. One Network for Everyone</i>)
2001 по н.в.	«Основной план по ИКТ 21» (<i>ICT 21 Master Plan</i>) Проект «Intelligent Island» («Разумный остров»)

Источник: составлено автором.

Вторая фаза информатизации Сингапура продолжалась с 1984 по 1986 гг. В этот период было осуществлено внедрение ИКТ в частном корпоративном секторе и домохозяйствах. Для достижения этих целей были созданы специальные институты — Комитет по национальной компьютеризации (*Committee For National Computerization, CNC*), Национальный компьютерный совет (*National Computer Board, NCB*), 34 компьютерные системы в министерствах и ведомствах для автоматизации административного и финансового управления. Все государственные институты были объединены в единую сеть IDNet. В 1986 г. был принят «Национальный план по информационным технологиям» (*National Information Technology Plan*), нацеленный на диффузию ИКТ в общенациональном масштабе.

Третья фаза информатизации Сингапура получила в государственных программах название «ИТ 2000». Начало этой фазы ознаменовало провозглашение в 1990 г. цели третьей фазы — объединить все существующие национальные телефонные линии, телевидение, компьютерные сети в единую систему, — и принятием Программы долгосрочного развития «*The Next Lap*» («Следующий Круг»). В 1991 г. был ратифицирован План «ИТ 2000 — Разумный остров» (*IT2000 — Intelligent Island*), в котором подчеркивалось значение ИКТ как средства построения ИО и ключевого направления экономического развития страны.

Высокая роль ИКТ в экономическом развитии страны проявилась в 1998 г., когда в разгар Азиатского финансового кризиса и вопреки ему был запущен Проект создания общенациональной широкополосной сети по предоставлению мультимедийных интерактивных услуг «Сингапур Уан — Одна Сеть Для Всех» (*Singapore ONE. One Network for Everyone*). Проект был направлен на обеспечение высокоскоростного доступа для всего населения, школ, библиотек, больниц. В 2001 г. были приняты 10-летний «Основной план по ИКТ 21» (*ICT 21 Master Plan*) и Проект «*Intelligent Island*» («Разумный остров»), в котором была сформулирована цель к 2015 г. превратить Сингапур в *единое информационное пространство*. Все эти планы и программы полностью реализованы.

Специфику построения ИО в Сингапуре определяют:

1. концентрация экономики «страны» в рамках города (как и в Гонконге);
2. опора на развитые ранее, в индустриальный период, сильные стороны конкурентоспособности (КСП) страны, а именно:
 - статус важного мирового центра торговли и финансов, достигнутый на основе естественного конкурентного преимущества географического положения страны;
 - преобладание малой формы организации бизнеса (МСП).

Сингапуру удалось превратить, казалось бы, недостаток — преобладание малой формы организации бизнеса — в конкурентное преимущество, и страна признана международным сообществом лучшим местом для осуществления предпринимательской деятельности в малой и средней форме.

Это обусловлено организацией взаимовыгодного взаимодействия государства и бизнеса (государственно-частного партнерства, ГЧП) и реализацией различных государственных программ содействия МСП, в том числе по льготному кредитованию, которые включают специальные займы, страхование кредитных рисков, предоставление субсидий, финансирование обучения и повышения квалификации кадров МСП.

В результате на базе ГЧП и глубокой заинтересованности правительства в содействии развитию МСП с целью достижения КСП страны на международном рынке в Сингапуре были созданы следующие благоприятные условия для бизнеса и инновационного развития:

1. Благоприятная экономическая ситуация и привлекательный инвестиционный климат, чему способствуют:

- льготное налоговое законодательство в отношении МСП;
- направленность налогового законодательства на привлечение иностранного капитала и инвестиций;
- отсутствие пошлин на перечисление прибыли;
- гарантии вложений денежных средств в экономику и т. д.

2. Благоприятные условия для открытия (в частности, особые льготы на ранних стадиях бизнеса) и осуществления бизнеса, подкрепленные законодательными актами, подлежащими строгому исполнению;

3. Преобладание занятости в сфере услуг, являющихся основой МСП Сингапура: торговых, транспортных, коммуникационных, финансовых, туристических и других.

4. Подготовка кадров для управления бизнесом.

5. Эффективность специального агентства «Спринг» (*Spring*), созданного для поддержки МСП, реализуемая, в частности, в предоставлении консультационных услуг по организации и развитию бизнеса.

В постиндустриальную информационную эпоху правительство выдвинуло новые задачи по созданию нового развитого конкурентного преимущества: превращение страны в ведущий в регионе АТР информационно-коммуникационный центр, поставляющий информационные услуги не только на региональный, но и на глобальный рынок.

Для достижения этой цели национальным приоритетом объявлено формирование ИО и развитие передовой высокоскоростной инфраструктуры связи. Выполняя эту задачу, Сингапур вошел в первую десятку мировых лидеров в рейтинге ООН по достижениям в области ИКТ (наряду с США, Японией, Южной Кореей, Канадой, Австралией и четырьмя европейскими странами). Говоря об особенностях формирования ИО в Сингапуре, нельзя не отметить роль многолетнего лидера страны — Ли Куан Ю (*Lee Kuan Yew*, или *Lee Kwan-Yew*), деятельность которого была в первую очередь направлена на всестороннее развитие ИО.

В октябре 1998 г. администрацией Гонконга было объявлено о начале построения ИО, и была принята «Информационно-технологическая стратегия» (*Digital 21*). К особенностям процесса построения ИО в Гонконге можно отнести:

- концентрацию экономики «страны» в рамках города;
- преобладание малой формы организации бизнеса (МСП);
- активное поддержание достигнутых ранее сильных сторон — функций свободного порта и центра международной торговли, финансов и судоходства;
- опору на тесные связи с материковым Китаем в достижении новых конкурентных преимуществ (*National policy*, 2010).

В Тайване задача построения «общества экономики знаний» (*Society of Knowledge Economy*) была поставлена в начале 2000-х гг.

Создание креативных отраслей в передовых малых восточноазиатских странах Азиатско-Тихоокеанского региона

Одной из самых популярных в первой декаде 2000-х гг. стала концепция «креативной экономики» (*creative economy*). Несмотря на уже более чем десятилетний срок существования, единой общепризнанной трактовки и единообразного термина для обозначения этой новой «новой экономики» пока не выработано. Для отражения современных реалий в трудах одних ученых говорится о «креативной экономике», в публикациях других — о «когнитивно-культурной экономике» (*cognitive-cultural economy*), в работах третьих — о «контенте на основе авторского права или отрасли авторского права» (*content-based or copyright industries*), в исследованиях четвертых — лишь о «креативной индустрии» и «креативных отраслях» (*creative industries*) или только об «индустрии/отраслях культуры» (*cultural industries*).

В специальном докладе ЮНЕСКО 2013 г. «*Creative economy report: widening local development pathways. 2013 Special edition. Widening Local Development Pathways*», посвященном креативной экономике, она определена как «сложная система, получающая «экономическое значение» («экономическую ценность») благодаря содействию экономической эволюции; это система, которая производит дополнения к первичному ресурсу творчества, — внимание, сложность, идентичность и адаптацию» (*Creative economy report*, 2009, р. 21). Подчеркивается, что креативная экономика является одним из самых быстрорастущих секторов экономики, продолжает расти во всем мире, обгоняя другие сектора, и имеет трансформирующий (преобразующий) характер в плане получения доходов, увеличения добавленной стоимости и создания рабочих мест. Вследствие этого она признается «драйвером развития, инвестиции в который могут дать мощный толчок развитию, а сами отрасли культуры и творческая индустрия — стать ключевыми элементами инновационной системы» (*Creative economy report*, 2008, pp. 9–10, 16, 20–21).

На основе обобщения многочисленных определений креативной экономики, мы сформулировали наше понимание этого феномена. Под креативной экономикой мы понимаем систему отраслей, производящих культурные и научные ценности с высокой добавленной стоимостью и позволяющих перевести (на базе интеллектуальных ИКТ) их контент в цифровую форму в целях коммерциализации. Интеллектуальные ИКТ выступают необходимым условием формирования креативной экономики, поскольку позволяют объединить всех творческих людей страны прочными каналами обмена информацией и опытом и создать тем самым необходимую творческую атмосферу в масштабах всей страны, а также стимулирование творчества и инноваций, направленное на достижение устойчивого роста. Именно поэтому формирование креативной экономики или ее отраслей стало возможным только на стадии зрелого ИО.

В настоящее время категории «креативная экономика» или «креативные отрасли» прочно внедрились в процесс формирования государственной политики всех передовых стран. Стратегии их формирования увязаны со стратегиями построения ИО (постинформационного общества) и устойчивого развития: во-первых, они основаны на платформе интеллектуальных ИКТ, позволяющих перевести культурные и научные ценности в цифровую форму, объединить всех творческих людей страны прочными каналами обмена информацией и опытом и создать тем самым необходимую творческую атмосферу в

масштабах всей страны; во-вторых, стимулирование творчества и инноваций направлено на достижение устойчивого роста и развития.

В концепцию креативной экономики входят понятия «креативные отрасли» (*creative industries*) и «отрасли культуры» (*cultural industries*), которые различаются между собой. К отраслям культуры отнесены такие области культуры, как музыка, искусство, мода и дизайн, а также медийные отрасли — радио, издательское дело, кинопроизводство и телевидение. «Креативные отрасли» (*creative industries*) — более широкая категория и, помимо выше названных, включает такие отрасли, в которых товары и услуги зависят от инноваций, например, «креативные исследования» и программное обеспечение.

Классификация креативных отраслей представлена в табл. 2.

Таблица 2.

Классификация креативных отраслей

Домен искусств (<i>domain of the arts</i>)		Домен наследия (<i>domain of heritage</i>)		
Сектора		Сектора		
изобразительное искусство	исполнительское искусство	культурные достопримечательности	традиционные выражения культуры	
Отрасли	Отрасли	Отрасли	Отрасли	
живопись, скульптура, фотография, антиквариат	живая музыка, театр, танцы, опера, цирк	археология, музеи, библиотеки, выставки	декоративно-прикладное искусство, фестивали, праздники	
Домен СМИ (<i>domain of media</i>)		Домен функциональных творений (<i>domain of functional creations</i>)		
Сектора		Сектора		
издательское дело	аудивизуальное искусство	дизайн	новые медиа средства	креативные услуги
Отрасли	Отрасли	Отрасли	Отрасли	Отрасли
книги, пресса и другие публикации	кинематография, телевидение, радио и другие услуги вещания	интерьер, мода, ювелирные изделия, игрушки	программное обеспечение, видеоигры, оцифрованный творческий контент	архитектура, реклама, творческие исследования и разработки

Источник: составлено автором по (Creative Economy Report, 2008).

Как видно из табл. 2, креативные отрасли объединены в 4 домена — искусства, СМИ, функциональных творений (*functional creations*) и наследия, внутри которых выделены 9 секторов. Отличительные характеристики креативных отраслей:

- включение материальных продуктов и нематериальных интеллектуальных или художественных услуг с творческим содержанием, экономической и рыночной ценностью, при производстве которых творческий потенциал и интеллектуальный капитал выступают в качестве первичных ресурсов (так называемых «параметров входа», *primary inputs*);

- комплекс действий, основанных на знаниях и ориентированных на искусства (но не ограниченные ими), на генерирование доходов от торговли и реализации прав интеллектуальной собственности;

- размещение на пересечении искусства, услуг и отраслей промышленности.

Создание креативных отраслей осуществляется во всех передовых восточноазиатских странах на базе ГЧП и при полной реализации государственных программ.

В Сингапуре начало формирования креативных отраслей можно обозначить 1999 годом, когда был принят План «Ренессанс Город» (*Renaissance City Plan*), нацеленный на превращение Сингапура в «Глобальный Сити искусств» для повышения привлекательности Сингапура для жизни и работы, хотя официально курс на создание таких отраслей был провозглашен только в сентябре 2002 г., когда была принята стратегия формирования креативных отраслей «*Creative Industries Development Strategy*» (табл.3).

Ключевое значение придается созданию креативного кластера как кластера отраслей, «ведущих свое происхождение из индивидуального творчества, мастерства и таланта и имеющих потенциал для богатства и создания рабочих мест посредством эксплуатации интеллектуальной собственности». В отличие от традиционного отраслевого кластера, креативный кластер «вклинивается» в различные сектора экономики и не представляет некий сплоченный сектор. По этой причине креативный кластер до недавнего времени не обнаруживал себя в качестве кластера и требует адекватной политики координации и инвестиций (Kong, 2012).

Таблица 3.

Создание креативных отраслей в Сингапуре

Годы	Программы / Содержание
1999	План «Ренессанс Город» (<i>Renaissance City Plan</i>)
2002	Стратегия формирования креативных отраслей « <i>Creative Industries Development Strategy</i> »
2003	Программа «Медиа 21» (<i>Media21</i>). Программа «Дизайн Сингапур» (<i>DesignSingapore</i>).
2006- по н.в.	Стратегии: (1) «Креативные люди Сингапура» (<i>Singapore's creative people</i>); (2) «Креативное пространство Сингапура» (<i>Singapore's Creative Spaces</i>); (3) «Креативные идеи и продукты Сингапура» (<i>Singapore's Creative Ideas & Products</i>).

Источник: составлено автором.

Креативные отрасли подразделяются в Сингапуре на три большие группы:

1. искусство и культура (исполнительское искусство, изобразительное искусство, словесность, фотография, прикладное искусство, библиотеки, музеи, галереи, архивы, аукционы, импресарио, исторические памятники, фестивали, поддерживающие предприятия);

2. дизайн (реклама, архитектура, дизайн веб страниц и программного обеспечения, графики, дизайн промышленной продукции, мода, интерьер и экологический дизайн);

3. медиа (радио-, теле- и кабельная трансляция, цифровые средства массовой информации, в том числе программное обеспечение и компьютерные услуги, кино и видео, музыка и публикации) (Kong, 2012).

В 2003 г. были разработаны две новые программы, конкретизирующие Стратегию:

1. «Медиа 21» (*Media21*), с целью превратить Сингапур в центр ведущих средств массовой информации (СМИ) и финансовый центр путем координации стратегий для развития сектора СМИ, продвижения производства высококачественного контента и развития цифровых СМИ, привлечения иностранных медиакомпаний, развивая экспорт контента;

2. «Дизайн Сингапур» (*DesignSingapore*), нацеленный на превращение Сингапура в азиатский центр превосходства в дизайне, создать возможности для формирования глобально конкурентоспособного на мировом рынке кластера проектирования, что позволит Сингапuru стать лидером в инновационном дизайне.

Впоследствии были разработаны еще три программы:

1. «Креативные люди Сингапура» (*Singapore's creative people*), включившая четыре направления:

- образование для производства креативного человеческого капитала;
- образование для производства «благодарной аудитории» (*appreciative audience*);
- обучение персонала для повышения творческих навыков;
- импорт талантов.

2. «Креативное пространство Сингапура» (*Singapore's Creative Spaces*) — программа, охватившая:

- достопримечательности, колониальное наследие до 1980-х гг. (викторианский театр, Национальный музей);
- строительство новых и модернизацию старых культурных объектов;
- рекомендации по развитию искусства и культуры повсеместно, по использованию государственных средств и бизнес-пространств для искусства и культурных мероприятий, по созданию креативных кластеров и получению культурных, социальных и экономических эффектов;

3. «Креативные идеи и продукты Сингапура» (*Singapore's Creative Ideas & Products*) — программа, включившая мероприятия по:

- содействию творчеству в экономике (подчеркнуто, что экономический успех Сингапура зависит от маневрирования в глобализованном мире и от участия в экономике, основанной на знаниях);
- увеличению вклада креативных отраслей в ВВП;
- стимулированию этих отраслей через инвестиционные фонды, схемы финансирования (гранты для предпринимателей и стартапов), налоговые льготы (Ma Fung-kwok, 2005).

В фокусе государственной политики Сингапура следующие национальные приоритеты:

1. построение экономики знаний («интеллектуального острова»), превращение в ведущую страну мира в области инновационных технологий, превращение электронной, прежде всего, компьютерной индустрии в одно из главных направлений международной специализации;

2. воспитание высококачественной, высокообразованной и высокооплачиваемой рабочей силы, способной создавать сложные товары с высокой добавленной стоимостью (во исполнение этих задач Сингапур стал мировым лидером в преподавании математики и прикладных наук);

3. создание «сети талантов», которые привлекаются со всего мира, но, прежде всего, из стран-соседей, являющихся его основными партнерами (в этих целях в стране поощряется открытие научно-исследовательских подразделений ТНК и снижается налогообложение иностранных работников);

4. превращение в информационно-интеллектуальный и мультимедийный узел Азии, Европы и Америки;

5. достижение повсеместной доступности использования ИКТ (в этих целях с 2006 г. пользование Интернетом осуществляется на бесплатной основе).

В качестве новых развитых конкурентных преимуществ рассматривается превращение Гонконга в креативную столицу региона АТР (креативный центр Азии — Asia's Creative Hub), а также в информационный центр региона с мультимедийной базой и в региональный центр ИКТ, программного обеспечения и электронной торговли.

Во исполнение этих целей в Гонконге принята программа создания креативных отраслей. В политическом заявлении правительства Гонконга подчеркивается, что «индустрия культуры и творчества» поможет Гонконгу сделать шаг к экономике, основанной на знаниях, с тем, чтобы поддержать экономический рост и способствовать повышению качества жизни в долгосрочной перспективе. Это, безусловно, правильное направление и с точки зрения устойчивого развития.

Отраслями «культуры и творчества» (Cultural and Creative Industries) названы отрасли, в которых «способность создавать ценность заключается в их творческом потенциале» и нематериальная ценность искусства и культуры может кристаллизоваться, чтобы повысить ценность основных продуктов и услуг. К таким отраслям отнесены дизайн, упаковка, брендинг и реклама. Рекомендации по созданию креативных отраслей были сформулированы в 2003 г. Комиссией по культуре и наследию (Culture and Heritage Commission's Policy Recommendations) и включают: партнерство государства с бизнесом в предоставлении необходимых ресурсов, обеспечении профессионалам возможностей и места для их творческой деятельности и ориентацию на создание общин (community-driven approach). Для реализации поставленных задач рекомендовалось расширить роль и функции трех государственных органов — Совета по производительности, Совета по развитию искусств и Совета по развитию торговли (Hong Kong Productivity Council, Hong Kong Arts Development Council and Trade Development Council) (National policy, 2010).

На основе этих рекомендаций принята Стратегия развития креативных отраслей в Гонконге по семи направлениям:

(1) *таланты*: воспитание местных творческих талантов, которые составят основу креативной экономики, и привлечение талантов извне;

(2) *творческие учреждения*: стимулирование создания креативных стартапов; содействие местным талантам в создании собственного бизнеса (с учетом высокой стоимости операций в Гонконге);

(3) *рынок и спрос*: создание спроса для творческих отраслевых учреждений путем увеличения размера местного рынка;

(4) *маркетинг*: продвижение продукции/услуг местных творческих отраслей в материковый Китай и за рубеж и обеспечение там устойчивого и расширяющегося спроса (для этого: увеличить присутствие на различных международных выставках, в том числе на Венецианском биеннале архитектуры (Venice Biennale for Architecture), содействовать творческим МСП в маркетинговой деятельности за пределами Гонконга;

(5) *креативные кластеры*: содействие местам скопления культурных и творческих мероприятий (таким как улица Голливуд роуд, район развлечений «Сохо» и область Шек Кип Мей на полуострове Коулун); строить творческие кластеры, которые могут стать центром креативной экономики;

(6) *творческая атмосфера*: создать творческую атмосферу путем объединения людей, участвующих в творческих мероприятиях;

(7) *креативный центр Азии* (Asia's Creative Hub): развивать позиционирование Гонконга как центра творческой и инновационной деятельности в регионе, базы для творческого бизнеса и обмена творческими идеями (Creative..., 2002).

Для выполнения поставленных задач созданы специальные *институты* — Комиссия для углубленного изучения вопросов долгосрочного развития творческой индустрии и агентство «Креативный Гонконг» (CreateHK), нацеленное на разработку и реализацию конкретных мер поддержки проектов, выдвинутых Комиссией. В Гонконге, как и во всех прочих передовых восточноазиатских странах АТР, распространен апостериорный подход² к разработке стратегических планов, поэтому формирование долгосрочной креативной стратегии осуществляется на основании результатов исследований, проведенных Комиссией.

Финансовая поддержка проектов осуществляется в рамках принятой в июне 2009 г. схемы финансирования «Креативная интеллектуальная инициатива» (CreateSmart Initiative, CSI). С июня 2011 г. по программе CSI финансируются также проекты в области дизайна (ранее они финансировались по отдельной программе финансирования «Дизайн смарт инициатива», DesignSmart Initiative, DSI). В мае 2013 г. в рамках CSI была принята схема эскизно-делового сотрудничества (The Design-Business Collaboration Scheme, DBCS). Технологическую основу и инженерную поддержку скоординированного финансирования обеих инициатив составляет компьютерная административная система управления финансированием на Интернет-основе (Design Support Initiative Funding Administrative System, DSIFAS).

Программа построения «общества экономики знаний» (Society of Knowledge Economy), принятая в Тайване в начале 2000-х гг., включает создание креативного сектора, предполагающего концентрацию высокой добавленной стоимости в креативных отраслях. С 2002 г. деятельность правительства Тайваня сосредоточена на продвижении отраслей культуры и творчества, развитие которых, как и в Гонконге, считается шагом к экономике знаний. Вопросами «культурной индустрии» занимается Совет по делам культуры (Council for Cultural Affairs), предложивший в 2003 г. концепцию «индустриализации культуры» и «культуризация промышленности» (industrialization of culture и culturalization of industry).

На первом этапе (2002–2007 гг.) выполнения Программы развития креативных отраслей в Национальный план развития, 2002–2007 гг. «Вызов-2008» (Challenge 2008: National Development Plan, 2002–2007), в число «культурно-творческих отраслей», признанных приоритетными для правительства, были включены тринадцать отраслей, в том числе: (1) изобразительное искусство, (2) музыка и исполнительское искусство, (3) предметы выставочных помещений культурного назначения, (4) ремесла, (5) кинопроизводство, (6)

² Два основных подхода в стратегическом планировании: априорный и апостериорный. Априорный подход предполагает формирование стратегии на основании существующих теоретических, концептуальных моделей и их последующей проверке по эмпирическим данным, что часто не отражает реального мира бизнеса. При апостериорном подходе не используются готовые теоретические модели, разработка стратегии основывается на предварительно проводимых специальных «сфокусированных» научных исследованиях и эмпирическом материале.

радиовещание, (7) издательская деятельность, (8) рекламная индустрия, (9) дизайн, (10) индустрия моды, (11) архитектурное проектирование, (12) инновационный образ жизни (Innovative lifestyle), (13) цифровая индустрия отдыха и развлечений (Digital leisure and entertainment industry).

В развитие этих отраслей правительством Тайваня инвестировано 11943 млн NT долл., и к 2006 г. доходы от отраслей культуры и творчества увеличились в 1,34 раза, а занятость составила 2,06% от общей численности населения. Согласно официальным документам, под воздействием аспектов культуры, творчества, искусства и дизайна экономика Тайваня стала трансформироваться и стиль жизни народа начал меняться (UN System Task Team, 2015).

На втором этапе стратегия тайваньского правительства реализуется под лозунгами: «Тайвань маленький, но «мягкая сила» большая» (Taiwan is small, but our 'soft power' is big!), «Тайбэй должен увеличить свою «мягкую силу», если хочет быть на международной арене» (Taipei must increase its “soft power” if it is to stand on the international stage, 2010); «Культура сделает Тайвань великим» (Culture makes Taiwan great!), («Жесткая» и «мягкая сила» сделают возможным для Тайваня вести дела с Китаем и расширять свое международное пространство» (Hard & soft power enables Taiwan to deal with China and expand its international space).

Заключение

Проведенное исследование показало, что инновационное развитие и создание устойчивых инноваций в малых передовых странах АТР осуществляются в ходе становления и развития ИО. Глобализация и дигитизация экономики обусловили широкое признание необходимости развития креативной экономики или креативных (творческих) отраслей на платформе интеллектуальных ИКТ и развитой телекоммуникационной инфраструктура (ТЛК-инфраструктура), крупных инвестиций в ИКТ-сектор, формирования «креативного» кластера.

Специфику построения ИО в малых передовых странах АТР составляет опора этого процесса на достижения индустриального развития, а также на взаимодействие государства, науки и бизнеса в форме государственно-частного партнерства (ГЧП).

Важными условиями реализации стратегических государственных планов малых передовых странах АТР по развитию ИО и достижению конкурентных преимуществ являются: апостериорный подход в стратегическом управлении, переход на стратегии «зеленого роста» и на модель устойчивого развития, органичное встраивание процесса построения ИО в глобализацию мировой экономики.

В ходе развития ИО и создания креативных отраслей в малых передовых странах АТР углубляется их специализация на производстве и экспорте продукции наиболее высокодоходных товаров (в настоящее время это продукция ИКТ-сектора) с высокой добавленной стоимостью. Благодаря высокой взаимодополняемости экономик, товарная структура взаимного экспорта хорошо дополняет импортные потребности партнеров. Формирование конкурентных преимуществ взаимодополняемости и взаимозаменяемости продукции, в свою очередь, способствует дальнейшему инновационному развитию и совершенствованию ИО в этих странах.

Достижение высшей стадии ИО зависит от сложившихся в обществе навыков. Именно они определяют оптимальность и полноту привлечения потенциала ИКТ в целях социально-экономического развития и получение максимальной отдачи от ИКТ. На основании этого критерия малые передовые восточноазиатские страны АТР можно признать достигшими высшей стадии преобразования страны в ИО. Это определяет успешность инновационного развития этих стран.

Список литературы

1. Урсул А. Д., Романович А. Л. (2001). Глобализация, устойчивое развитие и безопасность: системно-синергетический подход / Глобализация: синергетический подход. Москва. [Ursul A. D., Romanovich A. L. (2001). Globalization, sustainable development and security: system-synergetic approach / Globalization: synergetic approach. Moscow (In Russian)].
2. Solovieva Yu.V., Chernyaev M.V., Korenevskaya A.V. (2017). Transfer of Technology in Asian-Pacific Economic Cooperation States. Regional Development Models // Journal of Applied Economic Sciences, Vol. XII, Issue 5(51), pp. 1473-1484.
3. Азгальдов Г. Г., Костин А. В. (2009). К вопросу о термине «Инновация». URL: http://www.labrate.ru/articles/azgaldov-kostin_doklad_2009-2_about-innovation.htm [Azgaldov G.G., Kostin A.V. (2009). On the question of the term "Innovation" (In Russian)].
4. Винокуров В. И. (2017). Основные термины и определения в сфере инноваций. URL: http://www.logistics.ru/9/2/i20_27377p0.htm [Vinokurov V. I. (2017) Basic terms and definitions in the field of innovation (In Russian)].
5. Николаев А. (2017). Инновационное развитие и инновационная культура URL: http://vasilieva.narod.ru/9_5_01.htm [Nikolaev A. (2017) Innovative development and innovative culture (In Russian)].
6. World development report, 2009: A New perspective on economic geography. Review (2009). URL: http://WDR09_OVERVIEW
7. Millennium development Goals and the post-2015 development agenda. UN. (2015). URL: <https://www.un.org/en/africa/osaa/pdf/pubs/mdgs/mdgs2015.pdf>
8. Creative Economy Report (2008). The Challenge of Assessing the Creative Economy: towards Informed Policy-Making. UNCTAD. P. 13-14. URL: http://unctad.org/en/Docs/ditc20082cer_en.pdf
9. Creative economy report: widening local development pathways (2013). Special edition. Widening Local Development Pathways. UNESCO. URL: <http://www.unesco.org/culture/pdf/creative-economy-report-2013.pdf>
10. Creative Economy Development Strategy for Hong Kong. LC Paper No. CB(1)764/08-09. Communication and Technology Branch, Commerce and Economic Development Bureau, The Government of Hong Kong SAR. URL: <http://www.legco.gov.hk/yr08-09/english/panels/itb/papers/itb0209cb1-764-e.pdf>
11. Creative Industries Development Strategy. Propelling Singapore's Creative Economy (2002). Report of the ERC Services Subcommittee Workgroup on Creative Industries. URL: http://www.mti.gov.sg/ResearchRoom/Documents/app.mti.gov.sg/data/pages/507/doc/17%20ERC_Services_Creative_Industries.pdf

12. Kong L. (2012). Singapore & The Making of a “Creative City”. Chinese Creative Industries Forum. Macau, 2 June. URL: www.ccif.hk/ccif_media/pdf/Lily%20Kong_Macau_Conference_June_2012.pdf
13. Ma Fung-kwok (2005). Re-positioning Hong Kong in Mainland China's Strategic Development Period (2000-2020). Speech by Chairman of the HKADC / The Hong Kong Management Association Conference, 1 November. URL: <http://www.hkadc.org.hk/en/content/web.do?id=ff80818123dbba560123e106dd87014a>
14. National policy and promotion model of cultural and creative industry in Taiwan (2010). URL: www.freepatentsonline.com/article/International-Journal-Business-Research/237448642.html
15. UN System Task Team (2015) on the Post-2015 UN Development Agenda URL: https://www.un.org/en/development/desa/policy/untaskteam_undf/

INNOVATIVE FEATURES FOR ADVANCED DEVELOPMENT OF SMALL ASIA-PACIFIC REGION'S COUNTRIES — HONG KONG, TAIWAN AND SINGAPORE

Belova Liudmila,

Moscow State Lomonosov University,
119991, Moscow, Leninskie Gory, house 1, building 46, faculty of Economics

The article analyzes the characteristics of innovative development in the small East Asian «tigers». The subject of the article are the programs and mechanisms of development of the information society and the development of creative industries in Hong Kong, Taiwan and Singapore. The study showed that the innovative development and creation of sustainable innovation in small advanced Asia-Pacific Region's (APR) countries carried out in the course of formation and development of the Information Society (IS). Specifics of the IS in small advanced countries of the Asia-Pacific support this process, the achievements of industrial development, as well as on the interaction of the state, science and business in the form of public-private partnership (PPP). Important conditions for the implementation of strategic national plans of small advanced countries of the Asia-Pacific region for the development of IS and achieve competitive advantages are: a posteriori approach to the strategic management of the transition to a strategy of «green growth» and a model of sustainable development, organic embedding process of construction of the EUT in the globalization of the world economy.

Key words: globalization, innovative development, sustainable innovation, information society, public-private partnership.

JEL-codes: D23, D24, D80.

GLOBAL E-TRENDS IN RUSSIAN HIGH EDUCATION SYSTEM

**Anna Zotova,
Svetlana Ashmarina¹**

The article shows that today the educational community is undergoing a number of changes. Universities are doing their best to attract international students. These are mobile youth (there are more than 5 million people in the world) with great abilities. The war for talent leads to rapid differentiation of educational institutions.

The authors believe that new technological innovations have come to education with a delay of about 10 years. Therefore, the main task of this research work, according to the authors, is to determine the impact of some trends in e-learning in the Russian education system and to analyze the readiness of Russian universities to such an impact. The authors conclude that the analysis of the results of research on the use of information and communication technologies in higher education suggests that there are no common concepts that would capture and present a lot of facts accumulated in the practice of education in a single system of concepts. The analysis of practice also allows us to draw the author's conclusion about the underestimation of ICT opportunities in the field of national higher education.

Keywords: global educational trends, universities, e-learning

JEL-codes: F69.

Introduction

Modern “post-industrial” era is distinguished by such rapid global changes and almost instantaneous copying of products and services that make it meaningless reaching the goal of long-term retention of a certain market position. The strategy ceased to be only a long-term plan and was formed as the concept of a management process which is characterized by a constant adjustment in the on-line regime. Today, the educational community is also subjected to these changes. Universities today are doing their best to attract international students. They are mobile young people (there are more than 5 million people in the world), possessing great abilities. The war for talent leads to the rapid differentiation of educational institutions. Technological innovations came with a delay of about 10 years in the sphere of education. Modern technical means play big role in our every year life and in the educational process. The media-tools are a useful educational technology thanks to their inherent qualities of interactivity, flexibility and integration of different types of educational information, as well as due to the possibility to take into account individual characteristics of learners and to increase their motivation and cognitive activity (Abeldina et al., 2015; Acar et al., 2008).

Modern information technologies are the basis of informatization processes in the educational sphere, the implementation of which involves:

¹ Anna Zotova, Svetlana Ashmarina — Samara State University of Economics, 443086 Samara, Moskovskoe shosse str., 34

- improving the quality of education through the more effective use of available information;
- increasing the effectiveness of the educational process on the basis of its diversification and intensification;
- usage of means, methods and technologies with a focus on developing, advanced and personal-oriented education;
- integration of various types of activities (educational, research, methodological, scientific, organizational) within the framework of a unified methodology, based on the application of information technologies;
- the ability of future specialists in various industries;
- overcoming the crisis phenomena in the education system (Goryachev et al., 2014).

Use of new information technologies in education is becoming increasingly a widespread phenomenon in the modern Russian education. The universities introduce different online platforms (for example, Moodle, Joomla, Edmodo, Blackboard) for the development of educational communications between students and teachers. As a rule, materials, generated on these resources are positioned as educational or educational potential, but often they do not possess these qualities (Adelabu et al., 2014; Aggarwal et al., 2009; Ali and Magalhaes, 2008)

Methodology

The methods for the research are systems analysis and methods of expert judgments.

Stages of the research work

- the first stage was implemented through theoretical analysis of e-trends stimulating education system changes and intellectual capital development is performed;
- the second stage was performed through monitoring and analytical research work aimed at studying distance learning development in high education system of Samara region and its perspectives.

Results

The analysis of e-trends stimulating education system changes and intellectual capital development is performed.

In the sphere of education, technological innovations came with delay of about 10 years. The first online projects here appeared in the 1990s and were associated with the transfer of electronic materials to educational materials. True, they did not have a serious impact on the industry. In 2011, second-generation projects appeared on the market — mass open online courses (Massive Open Online Courses, or MOOC). It is believed that it was the point from which the digital revolution began in education.

Today, the annual growth of the online education market is 27%, the traditional — 5%. In 2016, more than 50 million people around the world studied using the largest online platforms (EdX, Coursera, Udacity, etc.), 800 thousand of them are Russians.

All new educational projects unite one thing — they are built on modern technologies, use a synthesis of advanced developments in the field of computer intelligence, digital technologies and behavioral psychology. The best educational startups already compete with traditional universities for their investments and talents.

Over the last 5 years appeared many companies using AI and Machine Learning to improve educational process. Especially in following sectors:

- Grading automation (ClassroomIQ, Mimir);
- Prediction the behavior of the students (to prevent an increase in dropout rates at MOOC and real schools);
- Personalization education programs (Area9, Aleks, Knewton, Tabor, CogBooks, Cognii, Infantium);
- AI-powered writing assistants;
- Other sectors like dynamic scheduling, matching teachers and schools.

But the best results were demonstrated by companies using AI and ML to create personalization algorithms for education process because society and business understand — “one-for-all” educational programs don’t work because of the difference in mental development both sectors have a demand for such technologies. Integrating such systems with intelligent and adaptive systems that can measure the learning preferences of the user can enable learners to obtain the most suitable learning objects that might be matched with their learning styles. Moreover, even in the classroom teaching, knowing the learning styles of students can also help teachers to adopt appropriate learning materials for efficient learning (Hamada and Hassan, 2017). Such system exploits the modularity of digital content to serve individual learners with content personalized to their learning style and help teachers to track progress and efficiently allocate time and determine teaching approach. More complex systems offer not only personalization but also macro analytics to learn the best methods of teaching certain concepts for learners of different types that can be applied more broadly than an individual piece of content or course.

New technologies are causing "industrial revolutions" that change the work of companies. Business dictates new requirements to people's competencies and the speed at which they are received.

There is a number of “retired professions” leaving the market. The most striking example of recent years is the massive bankruptcies of travel agencies, losing competition to services like Booking.com or Airbnb. At the same time, thanks to new technologies, the professions of the future appear, in which intellectual skills and qualities, which help to make non-standard decisions, are in demand.

Today it is already impossible to build a successful professional trajectory for years to come, but the traditional education system is based on the principle of long-term planning.

The list of the most popular competences will be updated more often. If earlier a new profession arose once in 20–30 years, today it is every 3–5 years. The ability of the education system to respond quickly to new requests, to train specialists not for 5 years, but for 5 months, becomes a condition for the country's competitiveness. To this challenge, most educational institutions in the world have only to find an answer (Khasaev and Ashmarina, 2014).

The modern education system is based on the use of large amounts of information, modern information technologies and online education technologies. The important trend in the development of education is the personification of education, and an effort to make individual education for each student; the heads of educational institutions increasingly turn to adaptive technologies and quantitative evaluation of the educational process. They also need to develop criteria for assessing vocational skills, students’ creativity and critical thinking skills. The solution to these problems is through the use of large data technologies to analyze large amounts of information about educational activities, students’ performance, their involvement in scientific and other activities, and, on the basis of analysis, adjust educational programs, individual training

courses, university management systems, thereby increasing qualitative indicators of educational activity.

In addition, there are still a number of problems that have to be solved. The requirements of the labor market are changing significantly. There is a gap between competencies formed in the university and scarce competencies required in the market. However, the existing system of education with its strong academic approach to the formation of competences does not meet the expectations of employers. Universities do not always pay enough attention to the formation of professional competences, the development of communicative skills, creative and analytical thinking, the effectiveness of which should be appropriately identified, evaluated and coordinated.

To evaluate these results, next-generation strategies are needed that have the potential to quantify various cognitive skills, social and emotional development, and the results of in-depth training; such strategies should provide students and lecturers with feedback, which will stimulate further development. This evaluation is based on the analysis of the training process — the collection, analysis and reporting of data on students in order to understand and optimize the training process in the environment where it takes place. In addition, universities insufficiently pay attention to the problems of qualitative analysis of the training process, based on a set of indicators of students' achievement and involvement. In turn, the results of analytical process could be means of assessing and fundamentally improving the students' training process. The software for data mining must collect and process large amounts of information, allowing students and lecturers to monitor the training process and exchange feedback for further progress.

The equally important problem is students' achievements. Improved analytics using the Big Data technology will help to reduce the number of expelled students and increase the percentage of those who received the diploma.

Another problem that is inherent in modern universities is the massive training and insufficient individualization of students' training. This is a very important problem since the lack of consideration of each student's achievements and the alignment of individual trajectories of his/her training significantly reduces the student's motivation to gain new knowledge and continue his/her studies at the university.

At the same time, collected and processed Big Data on students' training can show how students' certain activities contribute to their progress and achievement of specific educational and other goals and how effective and productive university courses offered to students are and how students are involved in the training process.

The analysis of distance learning development in high education system of Samara region

The most modern trend in the development of modern higher education is the promotion of distance learning and the gradual replacement of education by distance education. To promote the distance education system effectively, the development of information and communication technologies is vital. The authors of this work analyzed distance learning technologies in the leading universities of the Samara region.

The results of the authors' research showed that a number of Samara higher educational institutions have already demonstrated high readiness for the projected changes and are actively implementing information and communication technologies. Samara State Economic University launched the site "Virtual Campus", but so far only for students of the Master degree faculty. This

site was organized on the basis of the MOODLE platform, which is a content management system (CMS), specifically designed to create qualitative online courses by teachers.

The effective organization of undergraduates independent work is proposed to be done through the use of information and communication technologies. New means of communication allow the teacher to communicate with students on a flexible schedule through teleconferences, blog, e-mail. These technologies also provide an opportunity to carry out individual control over the training, the teacher has the opportunity to observe the progress, the time of assignments and the pace of work of individual students. This makes it possible to build a specific schedule for students, and to consult each student individually. On the other hand, students also have the opportunity to monitor their academic performance and correct their results on time (Davies and Graff, 2005; Cheung and Vogel, 2013).

In fact, the term “virtual campus” first appeared in Europe around the mid-1990s. It was introduced in national programs and strategic documents of the European Commission. More than 10 years ago, European politicians began to stimulate an analysis of the potential of ICTs to improve the quality of education in higher education system. The European Commission's strategic reports pointed to the fact that “new technologies” are of strategic importance for the creation of “universities of the future”. The direct result of these reports was a small number of projects aimed at exploring the possibility of creating virtual universities in Europe.

Although the age of the term “virtual campus” is 15 or so years old, it is still in its infancy, and changes very quickly. Over the years, observers have noticed a shift in concepts: from “clearly”, openly, 100% online virtual campus, to virtual, in terms of mobility, and in some ways, as a way for traditional universities to open their borders, to cooperate (inter) And / or attract non-traditional students through e-learning.

As a result of the research, the greatest activity of non-state educational institutions and branches in the promotion of their distance programs was revealed. These educational institutions quite reasonably seek to occupy that segment of the market of educational services, which is not yet being interested too much by the key universities in the region. So, in the Samara branch of the Moscow City Pedagogical University, the specialized structural subdivision — the center for distance learning was allocated. Also, a program was developed to implement distance learning based on the distance education system “Prometheus”.

In addition to the MOODLE platform, Samara State University made some attempts in using the platform Edmodo working out special educational courses for extramural students based on involving social media into the university training process. Studying the perspectives of using social networks in the higher education, the researches emphasize some advantages and disadvantages of these resources for the educational process. Among positive aspects are mobility and efficiency, technological adaptability, recognizability, the difference in the methodology of the teachers' work from the traditional, familiar, well-known communication environment for students, accessibility, interaction, etc.

On the other hand, the use of social networks in the university educational process has a number of difficulties: the lack of a developed concept and scientific and methodological support for the effective application of these technologies in the learning process; lack of access to social networks from the university's classrooms as a result of their blocking or lack of necessary technical support, as well as a large amount of entertainment content, distracting from training activities, psychological barriers, etc. (Goryachev et al., 2014; Selim, 2007).

An analysis of the results of studies on the use of information and communication technologies in higher education suggests that there are no general concepts that would allow us to capture and present a multitude of facts accumulated in the practice of education and upbringing in a single system of concepts. The analysis of practice also allows us to conclude that there is an underestimation of the possibilities of ICT in the sphere of domestic higher education. This is primarily due to the complexity and low readiness of higher education institutions to introduce and use information and communication technologies in their activities.

Discussion

The study of the online technology's application in higher education in the classroom and in a distant form (Graham et al., 2010) shows that for the changing the traditional learning process organization, in addition to development of an activity plan, it is necessary to involve additional resources and knowledge. That means regulation of such aspects as communication time, rules for building communication in the network, formation of additional types of interactions between students, online and offline, defining the roles between instructor and teacher.

A significant research problem in the study of e-learning projects is the development of training courses programs with optimal distribution of time management, online and offline regulation of interaction forms, training and adequate knowledge assessment (Băjenaru, 2012).

Conclusion

Many e-learning experts are against narrow understanding of informatization in the educational sphere, making a bet not on auto-training management systems, universal tools for preparation of training content, educational and testing materials, collection of information about students' progress and others, but also on social networks. These resources are considered as means for building own training or working space expanding opportunities for joint work of participants in the educational process.

Synthesis of "classical", classroom forms of teaching and modern computer technologies, clear determination of the target students group (for example, correspondence students, students with disabilities) create conditions for using electronic programs and online resources in the professional education.

The use of information and communication technologies as additional means of learning, organizational forms of the education process creates conditions for the modernization of the Russian higher school education, providing its accessibility, democracy, the high quality of the academic preparation of future bachelor students, master students and specialists.

Acknowledgment

The research is done in the frame of the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation №26.9402017/PC "Change management in high education system on the basis of sustainable development and interest agreement".

References

1. Abeldina Z., Moldumarova Z., Abeldina R., Moldumarova Z.I. (2015). Virtual learning space in the system of e-learning // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6 (5), pp. 478-483.
2. Acar E., Wall J., McNamee F., Carney M., Öney-Yazici E. (2008). Innovative safety management training through e-learning // *Architectural Engineering and Design Management*, 4 (3-4), pp. 239-250.
3. Adelabu O.A., Adu E.O., Adjogri S.J. (2014). The availability and utilization of E-learning infrastructures for teaching and learning // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5 (23), pp. 1348-1355.
4. Aggarwal A.K., Makkonen P. (2009). Critical success factors for successful globalised e-learning // *International Journal of Innovation and Learning*, 6 (1), pp. 92-109.
5. Al-Alak B.A., Alnawas I.A.M. (2011). Measuring the acceptance and adoption of e-learning by academic staff // *Knowledge Management and E-Learning*, 3 (2), pp. 201-221.
6. Ali G.E., Magalhaes R. (2008). Barriers to implementing e-learning: A Kuwaiti case study // *International Journal of Training and Development*, 12 (1), pp. 36-53.
7. Băjenaru, G.C. (2012). Pedagogical challenges in designing e-learning programs in the XXIst century // *Quality — Access to Success*, 13 (SUPPL.3), pp. 711-714.
8. Cheung R., Vogel D. (2013). Predicting user acceptance of collaborative technologies: An extension of the technology acceptance model for e-learning // *Computers & Education*, Vol. 63, pp. 160-175.
9. Davies J., Graff M. (2005). Performance in e-learning: online participation and student grades // *British Journal of Educational Technology*, Vol.5, Issue 4, pp. 657-663.
10. Goryachev M.D., Goryachev M.M., Ivanushkina N.V., Mantoulenko V.V. (2014). Net resources usage in modern education // *Samara University Journal*, Vol.5(116), pp.220-227.
11. Graham C.R., Hilton J., Rich P., Wiley D. (2010). Using Online Technologies to Extend a Classroom to Learners at a Distance // *Distance Education*, 31(1), pp. 77-92.
12. Hamada M., Hassan M. (2010). An enhanced learning style index: implementation and integration into an intelligent and adaptive e-learning system // *Eurasia Journal of mathematics science and technology education*, Vol. 13, Issue 8, pp. 4449-4470
13. Khasaev G.R., Ahmarina S.I. (2014). Main trends and perspectives of HEIs competitiveness improvement // *Vestnik SSEU*. Vol.8 (118), pp. 62-65.
14. Luo N., Zhang M., Qi D. (2017). Effects of different interactions on students' sense of community in e-learning environment // *Computers & Education*, Vol. 115, pp. 153-160.
15. Neisbitt J. (1990). *Megatrends 2000. Ten New Directions for the 1990s*. William & Morrow Company, Inc.
16. Selim HM. (2007). Critical success factors for e-learning acceptance: Confirmatory factor models // *Computers & Education*, Vol. 49, Issue 2, pp. 396-413.
17. Shakleina T.A., Baikova A.A. (2014). *Megatrends. Main evolution trends of global character in XXI century*. Moscow. Aspekt Press.
18. Sun P.C., Tsai R.J., Finger G., Chen Y.Y., Yeh D. (2008). What drives a successful e-Learning? An empirical investigation of the critical factors influencing learner satisfaction // *Computers & Education*, Vol. 50, Issue 4, pp. 1183-1202.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Анна Сергеевна Зотова

кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладного менеджмента,
Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

Светлана Игоревна Ашмарина

доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный
экономический университет, Самара, Россия

В статье показано, что сегодня образовательное сообщество подвергается ряду изменений. Университеты делают все возможное, чтобы привлечь иностранных студентов. Это мобильная молодежь (в мире более 5 миллионов человек), обладающая большими способностями. Война за таланты ведет к быстрой дифференциации учебных заведений.

Авторы полагают, что технологические инновации пришли в сферу образования с задержкой около 10 лет. Поэтому основная задача этой исследовательской работы, по мнению авторов — определить влияние некоторых тенденций электронного обучения в российской системе образования и проанализировать готовность российских университетов к такому влиянию. Авторы приходят к выводу, что анализ результатов исследований по использованию информационных и коммуникационных технологий в высшем образовании предполагает, что нет общих концепций, которые позволили бы уловить и представить множество фактов, накопленных в практике образования в единой системе понятий. Анализ практики также позволяет сделать авторский вывод о недооценке возможностей ИКТ в сфере национального высшего образования.

Ключевые слова: глобальные образовательные тенденции, университеты, электронное обучение.

JEL-коды: F69.

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /
INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

**STABILITÉ DU CURRENCY BOARD ET FUITE DES CAPITAUX.
MODÈLE THÉORIQUE ET APPLICATION EMPIRIQUE AU CAS
DE DJIBOUTI**

**Moustapha Aman¹,
Nikolay Nenovsky²**

Ce papier propose d'explorer la relation existante entre la fuite des capitaux, l'instabilité du régime monétaire et la stabilité des institutions d'un pays. Plus précisément, en examinant le cas de Djibouti, nous estimons la fuite des capitaux, nous construisons un indicateur d'instabilité du Currency Board et un indicateur de stabilité des institutions du pays. Ceci nous permet dans un second temps de tester statistiquement et économétriquement l'impact des fuites des capitaux. Les résultats montrent que le Currency Board dans le cas de Djibouti est entièrement déterminé par les mouvements de capitaux (licites et illicites), à la différence des autres Currency Boards où les flux commerciaux jouent un rôle non-négligeable. Le cadre institutionnel et les pratiques de corruption sont également déterminants pour comprendre l'équilibre monétaire djiboutien et la perpétuation du régime du Currency Board en présence des pratiques non-officielles.

Mots clés (Keywords): fuite des capitaux, Currency Board, instabilité du régime monétaire, Djibouti.

JEL-codes: C01, E41, E5, F32, O17.

Introduction. Problématique et logique de l'étude

Avec 850 000 habitants répartis sur une superficie de 23 200 km², Djibouti est la seule enclave territoriale (île dans les terres) sur le continent africain (Tranap, 1984). Des points communs avec les petites économies insulaires (ouvertes) subsistent: spécialisation dans l'exportation vers de «grands pays» de «services» militaires, géostratégiques, ou géopolitiques contre une aide publique; déficit de la balance commerciale; l'hypertrophie du secteur tertiaire; chômage et/ou émigration (Poirine, 1993). Ces déséquilibres sont souvent analysés comme une forme de «syndrome hollandais»³ observé dans les économies de «rente» extérieure (Sachs et

¹ Aman Moustapha — ERUDITE, Université Paris-Est Créteil, France.
amanmoustapha@hotmail.com

² Nenovsky Nikolay — professeur CRIISEA, Université de Picardie Jules Vernes, France.
nenovsky@gmail.com

³ La littérature sur le syndrome hollandais s'efforce d'étudier les conséquences d'une augmentation des entrées supplémentaires en devises sur l'économie intérieure. D'après cette analyse, ces entrées provoquent une augmentation

Warner, 1995; Brass, 2008). L'économie de Djibouti repose sur les ressources extérieures provenant de l'aide publique au développement et rente militaire et publique et de transferts internationaux informels de fonds (Mahamoud, 2008; Aman et al., 2014). Jusqu'en 2006 ces ressources permettent de financer un fort déficit commercial sans dommage pour l'équilibre de la balance courante. Le déséquilibre de l'offre et de la demande locale générateur du déficit extérieur demeure ensuite une conséquence logique de la croissance impulsée par les investissements directs étrangers (IDE), qui ont considérablement augmenté (le ratio IDE au PIB a progressé de 0,6% en 2000 à 23% en 2007), et la dette publique extérieure qui emprunte une trajectoire explosive à partir de 2006. Les institutions financières internationales ont presque toujours assuré le soutien nécessaire de la balance des paiements car le pays est fortement soutenu par les puissances occidentales de par sa position stratégique dans la région (Brass, 2008; Metelits and Matti, 2015). L'endettement extérieur a ainsi permis de renforcer le *Currency Board* (ou caisse d'émission) en l'absence d'un budget fiscal suffisamment solide (déficits budgétaires depuis 1982, financés principalement par l'accumulation de la dette publique). De fait, l'ajustement induit par le *Currency Board* de Djibouti est inhabituelle car il ne dépend pas des contreparties monétaires des flux d'entrées et des sorties des marchandises mais des flux de capitaux, tant ceux qui sont enregistrés dans la balance des paiements que ceux qui ne le sont pas (Aman et al., 2014).

Au cours des dernières années, l'inondation des flux de capitaux combinée à la position unique du pays d'avoir un *Currency Board* depuis ses débuts (1949) et un système de compte de capital ouvert⁴, nous conduisent à engager des études poussées sur les effets des flux de capitaux (licites et illicites) sur la stabilité et la pérennité du *Currency Board*. Le système de *Currency Board* fonctionne sur la base d'une création de monnaie régulée automatiquement par le solde des paiements internationaux. Le caractère automatique compense entièrement l'absence de politiques discrétionnaires. Par conséquent, la libéralisation de la balance des paiements est nécessaire sinon le bon fonctionnement du mécanisme automatique est remis en question. Or le danger de fuite des capitaux est inhérent par définition au régime même de *Currency Board* puisque rien n'interdit les transferts. Ces fuites de capitaux, parce qu'elles drainent des réserves de change, peuvent exercer une pression sur le taux de change qui peut provoquer une dépréciation de la monnaie nationale. Par exemple, une fuite des capitaux significative peut engendrer une cotation informelle du franc Djibouti qui ferait apparaître une grande distorsion entre le taux de change officiel et celui du marché parallèle⁵ et ferait que le taux de change fixe ne pourra pas être maintenu et le franc Djibouti devrait se déprécier. La fuite des capitaux peut aussi intensifier la volatilité de la masse monétaire globale et elle peut affaiblir en tant que telle la stabilité du *Currency Board*.

Suivant notre programme de long terme d'étudier les caractéristiques de fonctionnement du *Currency Board* à Djibouti (Aman et al., 2014), nous nous concentrons ici sur les effets des mouvements de capitaux, et en particulier sur leur fuite. En mobilisant également différentes

des prix domestiques (plutôt qu'une expansion du secteur des biens non échangeables) et donc une appréciation du taux de change réel; il en résulte une contraction des autres secteurs d'exportation.

⁴ Djibouti a accepté les dispositions de l'article VIII des statuts du FMI en 1978. Aucune restriction aux paiements et transferts liés aux transactions courantes et en capital n'est maintenu.

⁵ Une bonne partie de la transaction monétaire s'effectue déjà de manière informelle par des commerçantes, assises le long des trottoirs au centre-ville, qui détiennent de la monnaie nationale et des devises étrangères. Il n'y a pas d'informations disponibles sur la série du taux de change.

variables institutionnelles, nous élaborons un modèle théorique simple afin de tester le lien entre la stabilité du *Currency Board* et la fuite des capitaux. Il n'existe aucune étude analysant les effets potentiels des fuites de capitaux sur l'instabilité du *Currency Board*. C'est la contribution que notre article souhaite apporter à la littérature existante.

La structure de cet article suit la logique de notre étude. Dans un premier temps nous exposons les aspects théoriques et empiriques pour évaluer la fuite des capitaux. Ensuite nous élaborons les différents indicateurs de la qualité des institutions et de la stabilité du régime monétaire, en l'occurrence le *Currency Board*. Dans la troisième partie, nous portons notre attention sur le lien graphique, statistique et économétrique entre la stabilité du régime monétaire, d'un côté, et la stabilité institutionnelle, la fuite des capitaux et l'économie non-officielle, de l'autre.

Aspects théoriques et étude empirique de la fuite des capitaux à Djibouti

La fuite des capitaux peut être définie comme le transfert d'actifs libellés en monnaie nationale au profit d'actifs libellés en devises dans le pays concerné ou à l'extérieur, suivant des modalités qui ne relèvent pas d'opérations normales (Abalkin and Walley, 1999)⁶.

Pour mesurer la fuite des capitaux, la littérature offre diverses méthodes qui ont été affinées au fil du temps. Il existe deux grandes approches: l'approche directe "argent chaud" et l'approche indirecte « résiduelle »⁷. La méthode résiduelle a été élaborée par la Banque Mondiale (1985) et Erbe (1985). Ils suggèrent que si les données de la balance des paiements étaient la seule source d'information utilisée, cela signifie simplement "Erreurs et omissions nettes" car les entrées de la dette sont très souvent sous-déclarées dans les comptes de la balance des paiements. Cependant, les chercheurs obtiennent des informations sur ces flux dans d'autres sources officielles, généralement la base de données *Global Development Finance* de la Banque mondiale, et recalculent le résiduel à partir de cette base (Ndikumana and Boyce, 2014). Au final, la fuite des capitaux est estimée comme la différence entre les entrées et les sorties de devises, avec toutes les données provenant des statistiques de la balance des paiements d'un pays, à l'exception des emprunts extérieurs pour lesquels des données plus complètes ont été substituées. La différence a été désignée comme la mesure résiduelle de la fuite des capitaux (Erbe, 1985; Banque mondiale, 1985).

Selon la méthode résiduelle, la fuite des capitaux, au cours d'une année t est égale à :

$$FC_{rt} = \Delta DET_t + INDE_t - (CC_t + \Delta RES_t),$$

FC_r est la fuite des capitaux selon la méthode résiduelle; ΔDET est la variation du stock de la dette extérieure reportée dans les données de la Banque Mondiale; $INDE$ est l'investissement net direct étranger; CC est le solde du compte courant et ΔRES est la variation des réserves de change.

⁶ Pour plus de précisions, voir chapitre 10 du Manuel sur la mesure de l'Economie Non Observée (OCDE, 2002).

⁷ L'approche « argent chaud » repose uniquement sur les données officielles de la balance des paiements en tentant d'identifier les flux qui constituent la fuite des capitaux (...). Selon, l'approche résiduelle, l'estimation de la fuite des capitaux implique d'essayer de mesurer les flux qui auraient dû être enregistrés dans la balance des paiements, mais qui dans la pratique ne sont pas enregistrés. Elle estime que les flux enregistrés ne doivent pas être considérés comme la fuite des capitaux et définit donc la fuite des capitaux comme un résidu.

Morgan Guaranty (1986) se réfère à la méthode résiduelle, mais il prend en compte un point supplémentaire, soit la variation des avoirs détenus à l'étranger par les banques domestiques ΔABD .

Ainsi, la fuite des capitaux, selon la méthode de Morgan Guaranty (1986) (FC_m) est:

$$FC_{mt} = \Delta DET_t + INDE_t - (CC_t + \Delta RES_t) - \Delta ABD_t$$

Il est important de noter qu'à Djibouti, les réserves de change des banques commerciales sont trois fois plus importantes que les réserves officielles. Ces réserves de change sont fortement corrélées avec la dette publique extérieure. Une part croissante de l'augmentation des réserves en devises est ainsi obtenue au prix d'un endettement qui emprunte dans les dernières années une trajectoire explosive⁸.

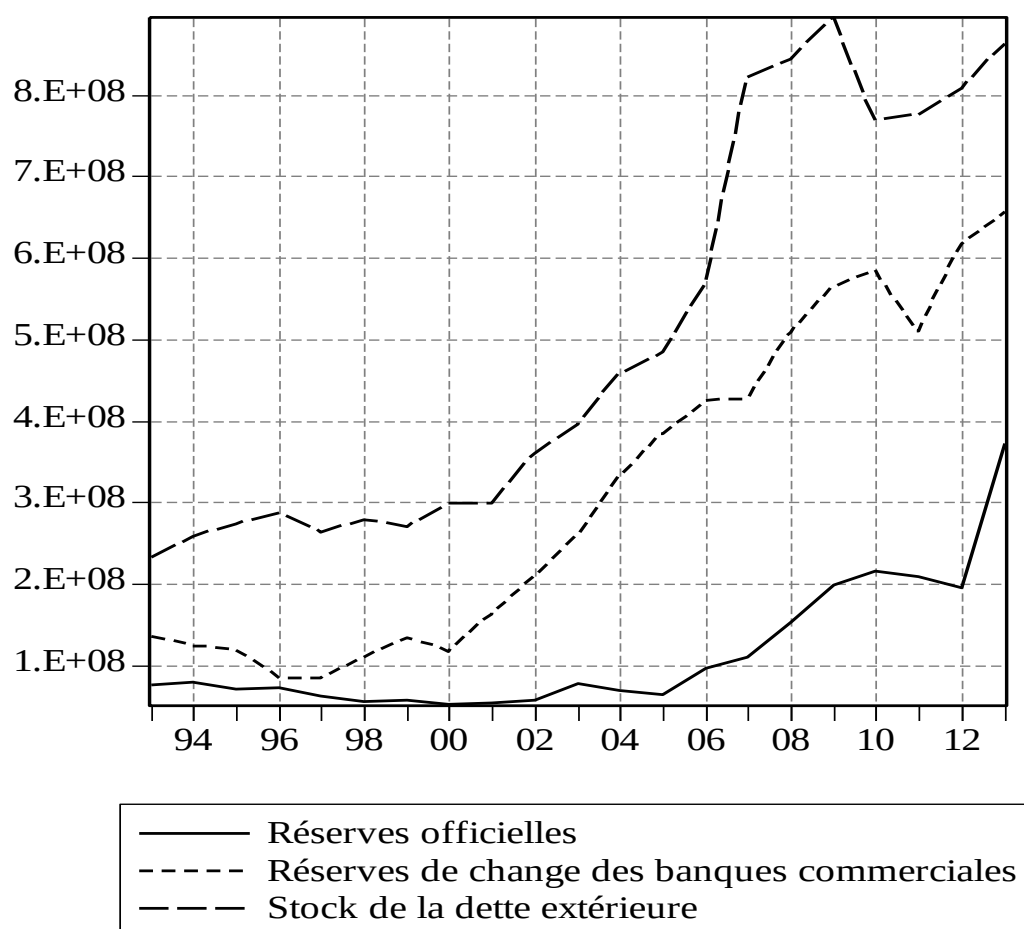

Figure 1. Avoirs étrangers nets et total du stock de la dette extérieure (en cours et décaissée) en \$ US.

Source: estimations des auteurs.

⁸ Tant que le gouvernement pourra financer les déficits publics par l'emprunt extérieur, il n'y a pas d'ajustement douloureux. Mais, cette capacité à obtenir des fonds à l'extérieur est limitée par le caractère soutenable de l'endettement anticipé par les créanciers. Un endettement prolongé pourrait à terme remettre en question la capacité de l'Etat à assurer le service de la dette et porterait atteinte à la crédibilité du *Currency Board* en créant un risque de dévaluation.

Dans notre étude nous utilisons les deux versions de la méthode résiduelle. De plus, en suivant la démarche de Boyce and Ndikumana (2001, 2003, 2007, 2010), nous ajustons les deux versions de la méthode résiduelle successivement aux fluctuations du taux de change, aux falsifications de transactions commerciales, à l'inflation et aux revenus d'intérêts. Puisque les données de la Banque Mondiale sur la dette sont reportées dans une monnaie commune (le dollar), pour corriger les écarts potentiels en raison des fluctuations des taux de change⁹, nous ajustons la variation du stock de la dette extérieure aux fluctuations du taux de change du dollar face aux autres devises. Bien que le franc Djibouti soit en ancrage dur avec le dollar¹⁰, le pays contracte des dettes libellées en différentes monnaies: le Mark allemand, l'Euro, le Franc français, le Yen japonais, la Livre Sterling anglaise, le Franc suisse, les Droits de Tirages Spéciaux du FMI, le Dollar américain, les multiples monnaies et les autres monnaies non spécifiées. Pour corriger ce caractère instable de la dette, nous ajustons les variations de la dette à long terme aux fluctuations du taux de change de la manière suivante:

$$\Delta DEAJU_t = DET_t - (NOUDET_{t-1}),$$

$\Delta DEAJU_t$ est la variation de la dette ajustée des fluctuations du taux de change;

DET_t est le stock de dette de l'année t évalué au taux de change de fin d'année t;

$NOUDET_{t-1}$ est le stock de dette de l'année t-1 évalué au taux de change de fin d'année t.

$NOUDET_{t-1}$ est calculé comme suit:

$$NOUDET_{t-1} = \sum_{j=1}^7 \frac{\alpha_{jt-1} * DETLT_{t-1}}{TC_{j,t-1}} + \frac{CRFMI_{t-1}}{TC_{DTS,t-1}} + AUTRELT_{t-1} + MULTLT_{t-1} + DETLTEU_{t-1} + DETCT_{t-1}$$

$DETLT$ est la dette à long terme ; α_j est la proportion de la dette à long terme détenue en monnaie j (j = Franc français, Deutsche mark, Yen, Franc suisse, Droits de Tirages Spéciaux, Livre Sterling, Euro); TC est le taux de change de fin d'année de la monnaie dans laquelle la dette est libellée contre le dollar (exprimé en unités de cette monnaie par dollar); $CRFMI$ représente les crédits du FMI libellés en Droits de Tirages Spéciaux (DTS); $AUTRELT$ est la dette à long terme libellée en «autres monnaies»; $MULTLT$ est la dette à long terme libellée en «multiples monnaies»; $DETLTEU$ est la dette à long terme libellée en dollar des Etats-Unis; $DETCT$ est la dette à court terme.

⁹ A titre d'exemple, le remboursement du service de la dette (en francs Djibouti) en 2009 était nettement au-dessus des prévisions du budget initial en raison (en grande partie) des fluctuations du taux de change (Banque Mondiale, 2011).

¹⁰ Le système de la caisse d'émission étant organisé en effet autour de deux principes fondamentaux: la libre entrée et libre sortie des capitaux, ce qui implique la garantie de convertibilité du franc Djiboutien, et la fixité du rapport de change au taux de 177,721 FDJ pour un dollar.

Les différences des exportations avec la France, *DEX*, sont calculées comme suit:

$$DEX_t = IMP_t - (EXPD_t * CAF_t),$$

DEX est la différence des exportations entre Djibouti et la France (données CNUCED); où *IMP* est la valeur des importations en provenance de Djibouti telles que rapportées par la France.

EXPD sont les exportations de Djibouti vers la France telles que rapportées par Djibouti, et *CAF*¹ est le facteur c.a.b/f.a.b, représentant les frais de transport et d'assurance. Un signe positif sur la falsification des exportations *DEX* indique une sous-facturation des exportations (donc une sortie nette), tandis qu'un signe négatif indique une surfacturation des exportations (donc une entrée nette). Dans la plupart des cas, nous nous attendons à une sous-facturation de l'exportation qui domine la surfacturation des exportations, soit une sortie nette de 1,8 millions de dollars sur la période 1993-2013.

Les différences d'importations avec la France (DIM) sont calculées comme suit:

$$DIM_t = IMPD_t - (EXPI_t * CAF_t),$$

IMPD représentent les importations de Djibouti en provenance de la France telles que rapportées par Djibouti, et *EXPI* sont les exportations des économies industrialisées vers Djibouti telles que rapportées par la France. Un signe positif sur les falsifications des importations indique une sortie nette (la surfacturation des importations entraîne des sorties nettes), tandis qu'un signe négatif indique une entrée nette (les importations peuvent être sous-estimées ou ne pas être enregistrées du tout afin de contourner les droits de douane). Ici aussi, nous nous attendons à une sous-facturation des importations qui domine la surfacturation des importations Djiboutiennes, soit 890 millions \$ sur la période 1993-2013. Ceci entraîne des ajustements nets négatifs des falsifications des importations.

Au total, lorsque la sous-facturation des importations (890 millions USD sur la période 1993-2013) est assez grande pour compenser la sous-facturation des exportations nettes (1,8 millions USD sur la période 1993-2013), l'effet global de l'ajustement des falsifications des transactions est de réduire la fuite des capitaux estimée. En effet, une partie de l'argent manquant a été utilisée pour financer le déficit des transactions commerciales illicites, plutôt que d'être comptabilisée comme une sortie des capitaux non enregistrés (Boyce et Ndikumana, 2014).

Pour obtenir le montant total des dites falsifications des transactions commerciales *FASLCOM*, nous divisons ces différences par la part moyenne d'exportations Djiboutiennes vers la

Encadré 1: méthode d'évaluation des falsifications de transactions commerciales

Source: estimations des auteurs.

Ensuite, les données sur les emprunts extérieurs ne sont pas les seuls chiffres qui sont systématiquement fallacieux dans les statistiques officielles de la balance des paiements. Les mesures officielles des exportations et des importations peuvent être faussées par des falsifications de transactions commerciales. En utilisant les données des partenaires commerciaux bilatéraux,

l'estimation résiduelle des fuites des capitaux peut être ajustée pour corriger ces erreurs. Des falsifications de transactions commerciales internationales se produisent pour plusieurs raisons (voir Global Financial Integrity, 2011; Boyce et Ndikumana, 2014). Suivant ces modèles nous estimons les falsifications de transactions commerciales en comparant les données d'exportations et d'importations Djiboutiennes à ceux de ses partenaires commerciaux. En général, les données commerciales des pays industrialisés sont relativement précises et expliquent l'écart entre celles-ci et les données de leurs partenaires commerciaux africains comme preuve de falsifications de transactions commerciales. Dans notre cas les données des économies industrialisées (ONUDI) n'ont pas été retenues en raison d'un problème de fiabilité des statistiques du commerce extérieur à l'importation comme à l'exportation. Nous avons limité les divergences des données d'exportations et d'importations avec les économies industrialisées à celles de la France. Le montant total des falsifications dans les transactions commerciales de Djibouti avec les pays industrialisés devrait être en principe proche des falsifications commerciales avec la France, et ce en raison de la part moyenne prépondérante de cette dernière dans les exportations/importations de Djibouti en provenance des pays industrialisés.

Si on ajoute l'estimation des falsifications de transactions commerciales à l'estimation initiale de la fuite des capitaux de l'équation 1, nous obtenons la fuite des capitaux (FCADJ) ajustée des falsifications de transactions commerciales:

$$FCADJ_t = FC_t + FASLCOM_t$$

Enfin, nous ajustons la fuite des capitaux à l'inflation en utilisant l'indice des prix à la consommation des Etats-Unis essentiellement du fait que toutes les données soient exprimées en dollars. Aussi, on utilise les taux indicatifs des bons du Trésor américain pour imputer les revenus d'intérêts au stock cumulé de la fuite des capitaux estimée¹¹. L'ajustement à l'inflation permet d'analyser adéquatement les causes et effets de la fuite des capitaux, tandis que l'ajustement aux revenus d'intérêts permet de comparer convenablement la fuite des capitaux à d'autres agrégats, comme par exemple la dette extérieure (voir Figure 2).

Par définition, les fuites des capitaux diffèrent des flux financiers illicites développés par des chercheurs de Global Financial Integrity (GFI). Les flux financiers illicites comprennent plus que ce qui est capturé comme fuite des capitaux, comme par exemple certains paiements pour les importations non déclarées. Bien que ces paiements soient illicites, ce ne sont pas des fuites de capitaux car le montant des devises n'est pas uniquement transféré à l'étranger, mais utilisé pour financer les importations des marchandises (BAD et GFI, 2013; PNUD, 2011).

¹¹ Comme le montant des devises entrant dans le pays est supérieur à ce qui est capturé dans la balance des paiements, nous aurions pu ajuster la fuite des capitaux aux transferts de fonds non enregistrés (ou non reportés). En effet, les résultats d'une enquête auprès des agences de transferts de fonds internationaux (Mahamoud, 2008) soutiennent l'idée que les données officielles de la balance des paiements sous-estiment l'ampleur des flux d'envois de fonds: soit 340 million de dollars de 2002 à 2006, tandis que les données de balance des paiements ne rapportent que 98 million de dollars. Cependant la majeure partie de ces envois de fonds financent des activités commerciales (91,3% du total des transferts), contournant ainsi les contraintes réglementaires et les coûts des transactions liés au mode de fonctionnement des institutions Djiboutiennes. Les envois de fonds sont donc davantage liés à des transactions commerciales illicites dont une grande partie est déjà estimée dans les falsifications commerciales, que des envois de fonds des migrants.

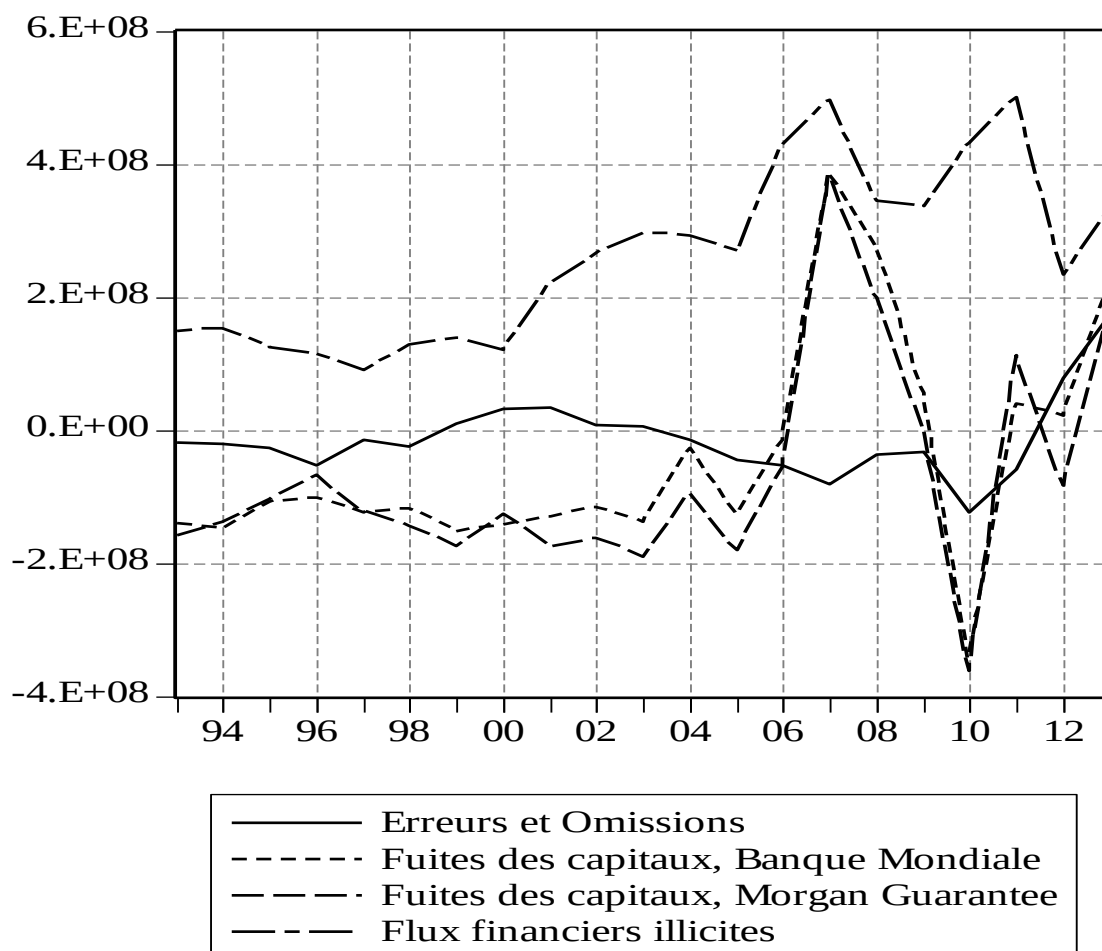

Figure 2. Fuite des capitaux réels à Djibouti, 1993-2013 (million \$ US), estimée par différentes méthodes.

Source: estimations des auteurs.

Ces flux financiers illicites constituent une catégorie plus large qui comprend les paiements pour les importations de la contrebande, les paiements provenant du commerce de stupéfiants et la contrebande, le blanchiment d'argent qui circule à travers les circuits bancaires officiellement enregistrés (Boyce et Ndikumana 2014). Cette méthode estime seulement les sorties illicites et ne tient pas compte des entrées illicites qui réduisent les fuites des capitaux (PNUD, GFI 2011). Les résultats indiquent que les sorties illicites non-normalisées à Djibouti ont augmenté de 34,5 millions de dollars en 1990 à un sommet de 495 millions de dollars US en 2007 avant de glisser légèrement à 344,3 millions de dollars en 2008, principalement en raison de la crise financière mondiale avant de remonter à 501 millions de dollars en 2011. Les crises économiques réduisent généralement les sources de financement illicites. En effet, une baisse du volume des échanges en raison de la crise économique mondiale peut réduire les possibilités de falsifications commerciales qui à leur tour réduisent les sorties illicites par ce canal (GFI 2013).

Les fuites des capitaux réels demeurent quant à elles en moyenne négatives sur la période 1993-2013 essentiellement parce que le pays compte tenu de sa position géostratégique, reçoit d'importants transferts officiels. La structure fiscale est unique car presque 70% des revenus du gouvernement sont libellés en monnaie étrangère (aide extérieure et recettes militaires, taxes à

l'importation)¹². Le pays reçoit entre 100 et 300 millions de dollars d'aides chaque année, principalement des États-Unis, de l'Arabie Saoudite et de la France (Brass, 2008). Cependant, les IDE¹³ et la dette extérieure sont les principales variables expliquant la fuite des capitaux. De 2006 à 2013 les sorties nettes des capitaux ont été estimées à 652 millions de dollars (45% du PIB et 75% du stock de la dette en 2013), en lien essentiellement avec des entrées massives des capitaux dans le pays (IDE, dette extérieure et ressources du port), à l'exception de 2010. A long terme ceci peut produire des effets négatifs sur la stabilité et la pérennité du *Currency Board*.

Indicateurs d'instabilité monétaire et de stabilité des institutions

Les économistes ont créé, à partir de divers critères, un certain nombre de modèles qui tentent d'aider les responsables publics à prévoir les crises à venir. En 1998, Kaminsky, Lizondo et Reinhart ont tenté d'expliquer les crises de change empiriquement afin de proposer un Système d'Alerte Avancée. Il s'agit d'observer l'évolution d'indicateurs qui tendent à montrer un comportement inhabituel pendant les périodes précédant une crise. Les variables à surveiller par les auteurs sont les exportations, la déviation du taux de change de sa moyenne, le ratio M2 réserves de change, la production et les cours boursiers.

Plus concrètement, lors de l'instauration de la caisse d'émission de la Bulgarie, Nenovsky and Hristov (1997), Nenovsky (1999) ont élaboré un système d'indicateurs pour surveiller la stabilité du *Currency Board* et le système bancaire. Il s'agit d'indicateurs construits à partir du bilan de la caisse d'émission, du bilan consolidé des banques commerciales et les variations de certaines variables macro-économiques.

A partir de ceci, nous construisons un indice synthétique du degré d'instabilité de la caisse d'émission de Djibouti avec une plus grande pondération dans l'indice pour la volatilité du taux de change réel et l'écart des taux d'intérêts entre Djibouti et les États-Unis (monnaie d'ancrage).

L'indice d'instabilité du *Currency Board* (INS) est calculé comme suit:

$$INS = 0.2 * \sigma \frac{M2}{FCB} + 0.2 * \sigma \frac{M2}{FB} + 0.3 * DT + 0.3 * \sigma TCER,$$

Où $\left(\frac{M2}{FCB}\right)$ et $\left(\frac{M2}{FB}\right)$ mesure la couverture de la masse monétaire (M2) respectivement par les réserves officielles de change de la Banque Centrale de Djibouti (*FCB*) et par les réserves de change des banques (*FB*). Nous estimons à 0.2 la pondération pour chacun de ces deux indicateurs du fait de leur évolution similaire. *DT* représente l'écart des taux d'intérêt entre Djibouti et les États-Unis; $\sigma TCER$ correspond à la déviation du taux de change de sa moyenne. Les taux de change effectifs réels (TCER) fondés sur les prix sont les indicateurs de la compétitivité extérieure le plus souvent utilisés. Les taux de change effectifs réels (TCER) fondés sur les prix sont les indicateurs de la compétitivité extérieure le plus souvent utilisés.

¹² Alors que la plupart des dépenses du gouvernement est libellée en monnaie nationale (notamment les salaires). Selon la Banque Mondiale, une dévaluation nominale du taux de change pourrait générer des économies budgétaires à court terme qui pourraient être réaffectées à des fins de réduction de la pauvreté.

¹³ Dont la cession partielle des parts sociales du port de Djibouti au cours de l'année 2013.

Selon l'indice synthétique que nous avons construit, le système de caisse d'émission de Djibouti est essentiellement instable (indicateur monte) sur deux périodes: entre 1999-2003, en lien avec la disparition des banques commerciales les plus fragiles¹⁴ et entre 2006-2013 en lien avec les mouvements des capitaux et en particulier la fuite des capitaux (C.f graphique 3).

Figure 3. La dynamique d'instabilité de la caisse d'émission de Djibouti (1993-2013).

Source: estimations des auteurs.

Les raisons à l'origine de la fuite des capitaux peuvent être multiples (Boyce et Ndikumana, 2014). En se basant sur des groupes des variables institutionnelles diagnostiqués selon leur fiabilité à des fins de mesure du système politique et de la gouvernance, nous pourrions affirmer l'existence d'un lien positif entre la fuite des capitaux et la détérioration des variables institutionnelles. L'évaluation du système politique de Djibouti s'inspire de l'indicateur de *Political Stability* (PS) qui mesure la probabilité de changements violents de régime ou de gouvernement, ainsi que de menaces graves à l'ordre public, y compris le terrorisme. Plus il est élevé, plus la stabilité politique est grande. L'évaluation de la gouvernance s'inspire quant à elle des indicateurs de mesure de la Banque Mondiale (*Rule of Law* et *Control of Corruption*). L'indicateur *Rule of Law* (RL) mesure la qualité du respect des contrats légaux par le système judiciaire ou par la police, en tenant compte du recours à la violence privée et de sa répression. L'indicateur *Control of Corruption* (CC) mesure l'usage des prérogatives du pouvoir à des fins personnelles, en particulier l'enrichissement des individus disposant d'une position de pouvoir. Nous avons fait le choix de construire un indice synthétique de la stabilité des institutions à partir des indicateurs *Political Stability* et *Rule of Law* car les deux variables semblent liées. La pondération a été fixée de manière à homogénéiser les poids dans l'indice entre les deux indicateurs.

L'indice de stabilité des institutions (ISI) est calculé comme suit:

¹⁴ Disparitions de BDD et Al Barak Bank (en 1998-99) et CBE (2003).

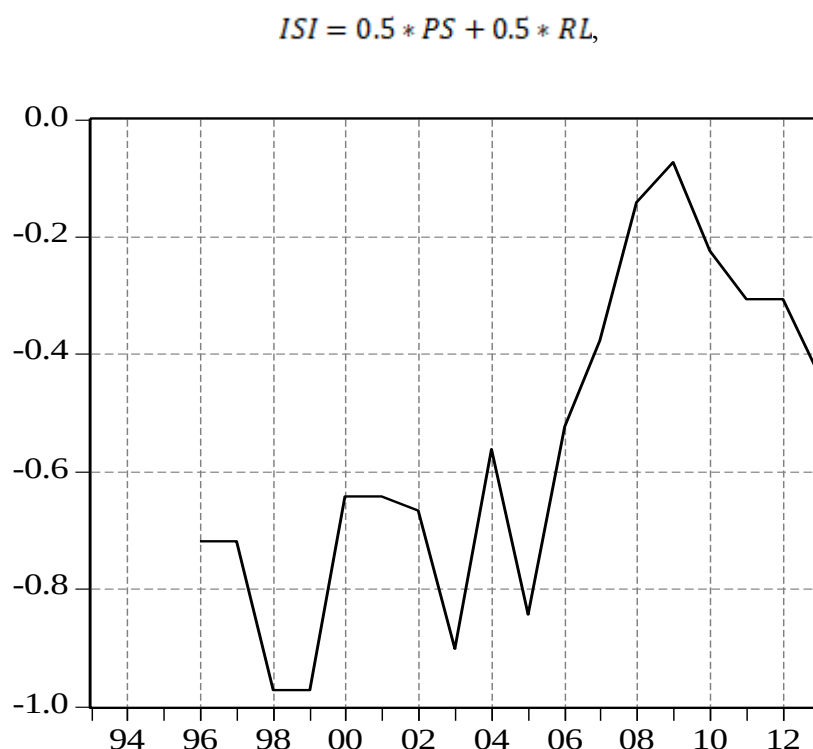

Figure 4. Indicateur de la stabilité des institutions à Djibouti (1996-2013).

Source: estimations des auteurs.

Dans le tableau 1 nous présentons la matrice des corrélations entre les différentes variables, notamment: l'instabilité du *Currency Board* (INS); Fuite des capitaux; Instabilité des Institutions (ISI); *Control of Corruption* (CC); les transferts *Hawala* (HW); Indice de liberté économique. Suivant les valeurs des corrélations, nous pourrions par exemple considérer que les fuites de capitaux, lorsqu'elles sont négatives sur la période (.i.e les entrées de capitaux sont plus importantes que les sorties), pourraient induire une diminution de l'instabilité de la caisse d'émission¹⁵.

Tableau 1.

Matrice de corrélation

	INS	Fuite des capitaux	ISI	CC	<i>Hawala</i> (HW)	Indice de liberté économique
INS	1.000	-0.435	-0.098	-0.263	0.313	0.476
Fuite des capitaux	-0.435	1.000	0.478	0.456	-0.524	-0.415
ISI	-0.098	0.478	1.000	0.793	0.050	-0.772
CC	-0.263	0.456	0.793	1.000	-0.122	-0.778
<i>Hawala</i>	0.313	-0.524	0.050	-0.122	1.000	0.012
Indice de liberté économique	0.476	-0.415	-0.772	-0.778	0.012	1.000

Source: estimations des auteurs.

¹⁵Selon le test de causalité (Granger), la détérioration de la stabilité des institutions est à l'origine de l'instabilité de la caisse d'émission. En effet, entre 1996 à 2004, la détérioration de la stabilité des institutions et des institutions financières (la longue liquidation de deux banques commerciales Al Baraka Bank et, Banque de Djibouti et du Moyen-Orient) accroît l'instabilité de la caisse d'émission.

La partie économétrique va tenter de donner une réponse à la problématique de l'impact des fuites de capitaux significatives sur l'instabilité de la caisse d'émission de Djibouti.

Simulations économétriques de la stabilité du *Currency Board*

Après avoir étudié, l'évolution des courbes de la fuite des capitaux, des indicateurs de l'instabilité et des indicateurs institutionnels afin de dégager certaines régularités, nous appliquons ici une analyse plus fine et vigoureuse, notamment une analyse économétrique.

L'analyse économétrique s'avère plus difficile que prévue compte tenu de la complexité des facteurs pour une période d'analyse relativement courte (1993-2013). Néanmoins, au titre des résultats préliminaires, nous proposons dans le Tableau 2 ci-dessous quatre modèles de régression, qui testent différentes versions d'impacts de la fuite des capitaux, des variables institutionnelles sur les indicateurs d'instabilité monétaire.

Les modèles 1 et 2 utilisent l'indicateur d'instabilité du *Currency Board* composite comme variable indépendante, tandis que les modèles 3 et 4 prennent respectivement comme variable indépendante l'indicateur d'instabilité monétaire et le taux de change effectif réel.

De nouveau, sans entrer dans les détails (car les modèles sont en cours d'affinement), nous pourrions à titre d'exemple aiguiller l'attention du lecteur sur le modèle 1. Ce modèle offre les paramètres économiques en ligne avec des hypothèses théoriques et des caractéristiques statistiques satisfaisantes.

Concernant le cadre institutionnel et la corruption, les résultats s'expliquent de la façon suivante. Tout d'abord, il existe à Djibouti une stabilité politique et juridique, mais dans un contexte autoritaire (Metelits and Matti, 2015) et fortement corrompu (d'autres études ont fortement souligné ces caractéristiques du régime djiboutien, Brass, 2008). La banque mondiale a aussi confirmé que la corruption est un sérieux problème à Djibouti (Banque Mondiale, 2013).

Tableau 2.

Modèles économétriques				
<i>Variables*</i>	Modèle 1 Variable dépendante Indicateur d'instabilité composite INS	Modèle 2 Variable dépendante Indicateur d'instabilité composite log (INS)	Modèle 3 Variable dépendante Indicateur d'instabilité monétaire log(σ (M2/FB))	Modèle 4 Variable dépendante Indicateur d'instabilité du taux de change réel de change log (TCER)
Constante	-32.55 (-1.94)	2.65 (2.22)	5.76 (0.30)	4.83 (9.93)
Fuite des capitaux	-4.41E-09 (-1.64)	-2.99E-09 (-1.34)		
Indice de stabilité des institutions	4.71 (1.76)	1.67 (0.94)		0.10 (1.63)
Log (Fuite des capitaux)			-2.12 (-2.05)	-0.04 (-1.92)
Indice de liberté économique	0.67 (2.05)		0.81 (1.90)	0.013 (1.66)
Nombre des banques (Dummy)			-0.52 (-1.89)	
Corruption			13.34 (2.82)	
AR(1)	0.0025 (0.006)	0.86 (2.70)		0.54 (2.98)
AR(2)	0.002 (0.005)	-0.37 (-1.28)		
R ²	0.56	0.55	0.75	0.66
R ² ajusté	0.28	0.36	0.41	0.53
DW	1.29	1.98	4.03	1.79
log likelihood	-21.53	-22.84	-8.76	30.60
F statistics	2.02	2.98	2.24	4.96

* t statistique entre parenthèses,

Source: estimations des auteurs.

La corrélation positive entre ISI et CC dans la matrice des corrélations va dans le bon sens. Concernant les simulations économétriques, les signes vont aussi dans le sens supposé par nos réflexions théoriques. Une hausse de la corruption (une baisse de son contrôle) augmente l'instabilité monétaire du *Currency Board* (modèle 3). Egalement, il semble paradoxal que, le signe de la stabilité politique (ISI) fasse croître l'instabilité monétaire. Cela s'explique par le fait que le régime politique est déjà stabilisé dans un contexte de régime semi-autoritaire et corrompu (Modèle 1, 2, et 4). Dans une telle situation, les agents économiques cherchent des moyens de contourner les règles et développent des pratiques monétaires et commerciales non-officielles.

Conclusion

En guise de conclusion préliminaire, nous pouvons souligner que notre étude s'inscrit dans la perspective complexe d'analyser le fonctionnement et la pérennité du *Currency Board* de Djibouti (un système monétaire extrêmement rigide et existant de longue date). Nous nous sommes interrogés sur l'influence de la fuite de capitaux, du cadre institutionnel et de la corruption sur la stabilité du régime monétaire. Nous avons estimé la fuite des capitaux, construit les indicateurs d'instabilité monétaire, et testé différents modèles économétriques en tenant compte du cadre institutionnel et de la corruption.

Les résultats préliminaires sur la période 1993-2003 montrent le bien-fondé de notre hypothèse de base suivant laquelle le *Currency Board*, dans le cas de Djibouti, est entièrement déterminé par les mouvements de capitaux (licites et illicites), à la différence des autres *Currency boards* où les flux commerciaux jouent un rôle substantiel. Le cadre institutionnel et les pratiques de corruption sont également déterminants pour comprendre l'équilibre monétaire djiboutien et la perpétuation du régime du *Currency Board* dans un contexte où existent des pratiques néo-patrimonial et non-officielles.

References

1. Aman M., Nenovsky N., Mahamoud I. (2014). The informal system of remittances and Currency Board: complementarity or antagonism? The case of *hawala* transfers in Djibouti // *Saving and Development*, 38(1), pp. 133-154.
2. AfDB and GFI (2013). Illicit Financial Flows and the Problem of Net Resource Transfers from Africa: 1980-2009. Washington, DC and Tunis.
3. Banque Africaine de Développement (2011). Djibouti. Document de stratégie-pays 2011-2015. Banque Africaine de Développement.
4. Boyce J.K., Ndikumana L. (2001). Is Africa a Net Creditor? New Estimates of Capital Flight from Severely Indebted sub-Saharan African Countries, 1970-1996 // *Journal of Development Studies*, 38 (2), pp. 27-56.
5. Boyce J.K., Ndikumana L. (2012) Capital Flight from Sub-Saharan African Countries: Updates 1970-2010. PERI Research Report. Political Economy Research Institute.
6. Brass J.N. (2008). Djibouti's unusual resource curse // *Journal of Modern African Studies*, 46 (4), pp. 523-545.
7. Erbe S. (1985). The Flight of Capital from Developing Countries // *Intereconometrics*, pp. 268-275.

8. Kaminsky G., Lizondo S., Reinhart C. (1998) Leading Indicators of Currency Crises. // IMF Staff Papers, 45(1), pp. 1-44.
9. Mahamoud I. (2008). Contraintes institutionnelles et réglementaires et le secteur informel à Djibouti, Thèse en Sciences économiques. Université de Paris 12-Val de Marne.
10. Metelits C., Matti S. (2015). Democratic contestation on the margins. Regimes in Small African Countries. London, Lexington Books.
11. Nenovsky N., Hristov K. (1997). Criteria for evaluation of the systemic risk under Currency Board // Occasional Papers. No 1, Institute for Market Economics, Sofia.
12. Nenovsky N. (1999). Une économie en transition a-t-elle vraiment besoin d'une Banque centrale ? La Caisse d'émission en Bulgarie // Revue d'études comparatives Est-Ouest, 30(4), pp. 65-96.
13. Ndiaye A.S. (2009). Capital Flight and its Determinants in the Franc Zone // African Journal of Economic Policy, 16 (1), pp. 65-104.
14. Ndikumana L., Boyce J.K. (2011). Capital Flight from sub-Saharan African Countries: Linkages with External Borrowing and Policy Options // International Review of Applied Economics, 25 (2), pp. 149-170.
15. Ndikumana L., Boyce J.K., Ndiaye A.S. (2014). Capital Flight: Measurement and Drivers. PERI Research Report. Political Economy Research Institute.
16. OCDE (2002). Handbook for Measurement of the Non Observed Economy, Paris, OECD.
17. Poirine B. (1993). Le développement par la rente dans les petites économies Insulaires // Revue économique. Volume 44, n 6, pp.1169-1199.
18. Sachs J.D., Warner A.M. (1995). Natural Resource Abundance and Economic Growth. // Working Paper 5398, National Bureau of Economic Research.
19. Schneider B. (2003). Measuring Capital Flight: Estimates and Interpretations. Working Paper, Overseas Development Institute.
20. TRANAP A. (1984). Micro-pays, pays insulaires. Economie internationale.
21. UNDP (2011). Illicit financial flows from the Least Developed Countries: 1990-2008. New York: UNDP.
22. Wolf H., Gnosh A., Berger H., Gulde A.M. (2008). Currency Boards in Retrospect and Prospect. MIT Press, Cambridge.
23. World Bank (1985). World Development Report 1985. Washington, DC, World Bank.

**CURRENCY BOARD STABILITY AND CAPITAL FLIGHT.
THEORETICAL MODEL AND EMPIRICAL APPLICATION TO THE CASE
OF DJIBOUTI**

Moustapha Aman,
Université Paris-Est Créteil,
61 avenue du Général de Gaulle
94010 Créteil Cedex France

Nikolay Nenovsky,
Université de Picardie Jules Vernes
11 Rue des Francs Mûriers
80000 Amiens, France

The article explores the relationships between capital flight, the monetary regime instability and the general institutional stability of a country, with an empirical application to Djibouti. Are constructed variables for the capital flight, indicator for the instability of Currency Board and for the stability of institutional settings. This allows in a second time to test statistically and econometrically the impact of capital flight on Currency Board stability. The results show that the Currency Board in the case of Djibouti is entirely determined by capital movements (legal and illegal), unlike other Currency Boards where trade flows play a substantial role. The institutional framework and corrupt practices are also critical to understand the Djibouti monetary equilibrium and the perpetuation of the Currency Board in the presence of unofficial practices.

Keywords: capital flight, Currency Board, monetary regime instability, Djibouti.

JEL-codes: C01, E41, E5, F32, O17.

СТАБИЛЬНОСТЬ ВАЛЮТНОГО КУРСА И БЕГСТВО КАПИТАЛА. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ К ДЖИБУТИ

**Мустафа Аман,
Николай Неновски**

В статье исследуются взаимосвязи между бегством капитала, нестабильностью денежно-кредитного режима и общей институциональной стабильностью страны с эмпирическим применением к Джибути. Построены переменные для оттока капитала, показатель для нестабильности валютного курса и для стабильности институциональных условий. Это позволяет еще раз проверить статистически и эконометрически влияние оттока капитала на стабильность валютного курса. Результаты показывают, что валютный совет в случае Джибути полностью определяется движением капитала (законным и незаконным), в отличие от других валютных Советов, где торговые потоки играют существенную роль. Институциональные рамки и коррупционная практика также имеют решающее значение для понимания денежно-кредитного равновесия Джибути и сохранения валютного совета при наличии неофициальной практики.

Ключевые слова: бегство капитала, валютный совет, нестабильность валютного режима, Джибути.

JEL-коды: C01, E41, E5, F32, O17.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE

ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

С 27 по 29 марта 2019 г. в Москве прошел Международный геополитический конгресс «Глобальная безопасность и научно-технологический прогресс».

Конгресс организовали Российская академия наук, Российская академия ракетных и артиллерийских наук, Международное общественное движение «Российская служба мира», Союз ветеранов Анголы и сообщество ученых Мировой программы перспективных исследований (Group of the World Advanced Research Project — WARP-Group) при поддержке Автономного университета Мехико (Universidad Autónoma Metropolitana — UAM). Проведение Конгресса одобрено МИД РФ и МО РФ.

В центре внимания Конгресса ставились философские и мировоззренческие проблемы современного прогресса, характер возникающих угроз в различных сферах мировой экономики и политики, связанных с научно-техническими достижениями, и возможные направления их нейтрализации, роль и место в этом международного научного сообщества.

Обсуждавшиеся темы:

1. Философские и мировоззренческие проблемы современного прогресса и глобальной безопасности.
2. Прогресс в сфере фундаментальных исследований и угрозы глобальной безопасности им порождаемые.
3. Развитие вооружений и проблемы глобальной безопасности.
4. Достижения информационных технологий и проблемы безопасности с этим связанные.
5. Энергетические аспекты глобальной безопасности.
6. Экологические аспекты глобальной безопасности.
7. Научно-технический прогресс в сферах коммуникаций, транспорта и производства, связанные с этим проблемы глобальной безопасности.
8. Социально-политические последствия современного научно-технологического прогресса.
9. Пути парирования угроз, формируемых научно-технологическим прогрессом современности.
10. Роль и место научно-технического сообщества в предотвращении возникновения угроз, порождаемых современным научно-технологическим прогрессом.
11. Ответственность научно-технического сообщества за последствия реализации научно-технических достижений.
12. Формы организации международного научно-технического сообщества в интересах предотвращения негативных последствий научно-технического прогресса.

Помимо российских, в работе конгресса принимали участие представители как научного сообщества, так и официальные лица Мексики, Китая, Вьетнама, Венесуэлы, Кубы, ДНР, Сирии, Германии, Палестины, Абхазии, Грузии, Ирана, Израиля, США, Норвегии, Египта и Чехии.

Кухтин Геннадий Витальевич,
член Оргкомитета Конгресса,
сопредседатель Международного общественного
движения «Российская служба мира»